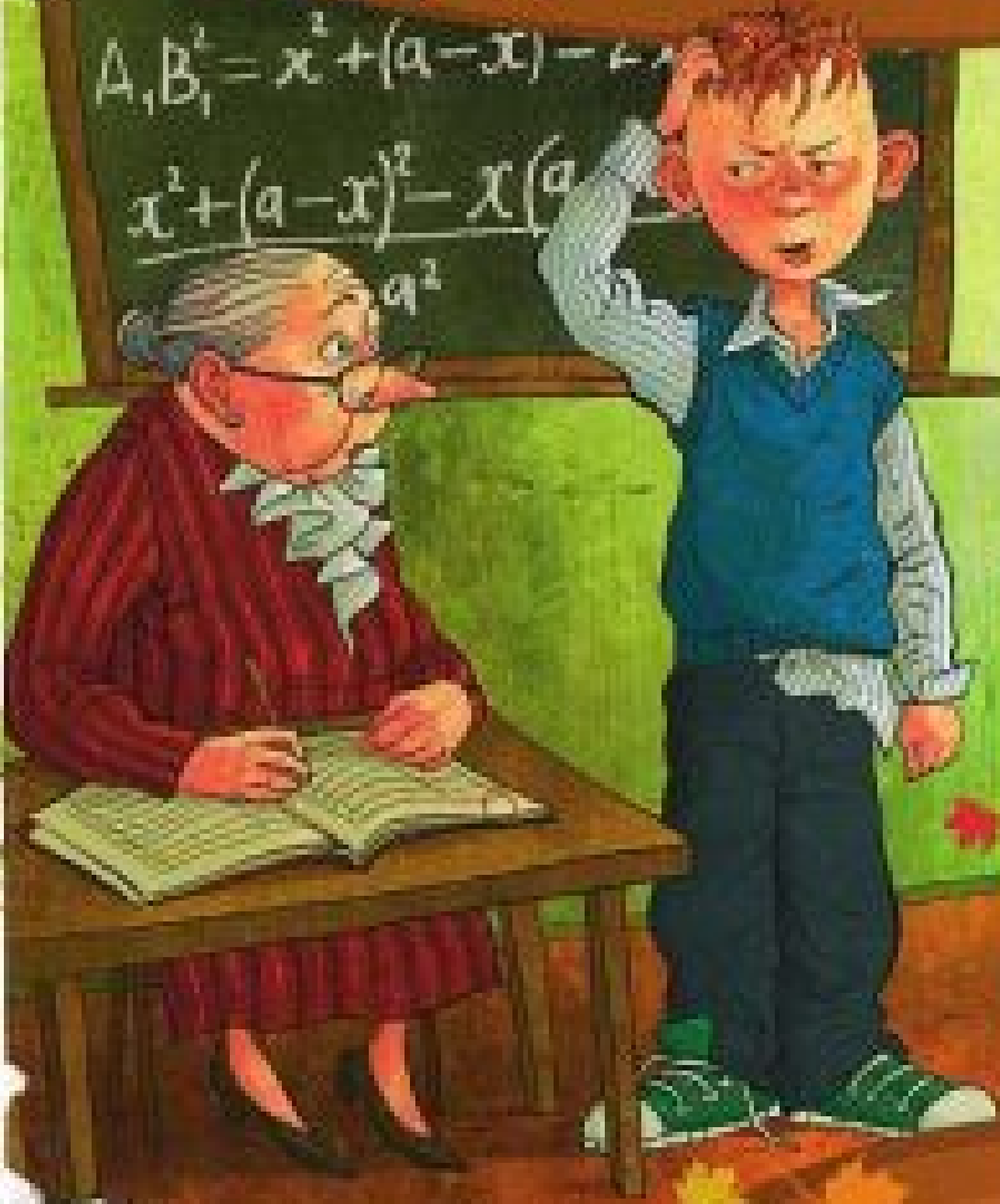

ПОТАПОВ, «ДВОЙКА»!

ПОТАПОВ, «ДВОЙКА»!
УКОЛЬНЫЕ ИСКОРЬКИ

Тамара Крюкова

Тамара Крюкова

child_prose Тамара Шамильевна Крюкова Потапов, «двойка»!

Новая книга известной детской писательницы Тамары Крюковой «Потапов, „двойка“»! продолжает полюбившийся многим читателям цикл уморительно смешных рассказов о Женьке Москвичёве, Лёхе Потапове и их одноклассниках. В сборник также включены весёлые стихи.

Для читателей старше 12 лет. ru ru Izekbis ABBYY FineReader 11, FictionBook Editor Release 2.6.7, Book Designer 5.0 22.01.2017 Скан Larisa_F ABBYY FineReader 11 BD-BFF417-9D26-9941-F9BD-B3C2-C7F2-2F26BF 1

OCR, fb2 V 1.0 — Izekbis. Потапов, «двойка.»! Аквилегия-М Москва 2013 978-5-905730-10-8 Редактор В.Кысь Верстальщик-дизайнер А.Ванин Корректор А.Рябцева

Тамара Крюкова

Потапов, «двойка»!

Дольче и Габбана

Женьке Москвичёву подарили новую версию «Варкрафта». Он уже давно о ней мечтал, поэтому не мог дождаться конца уроков, чтобы скорее припасть к компьютеру. Однако по закону подлости Вера Ивановна, классная руководительница шестого «Б», объявила, что сегодня после занятий все должны остаться на уборку территории вокруг школы.

— Это ж надо какая подлянка! — возмущался Женька. — В кои-то веки собрался по-человечески время провести, и на тебе!

— Не переживай. Тут работы на полчаса, — успокоил его верный друг Лёха Потапов.

В глубине души Женька и сам понимал, что дело выеденного яйца не стоит, но он не любил, когда его планам что-то мешало, поэтому продолжал нагнетать обстановку:

— Ничего ты не понимаешь! Новый «Варкрафт» — полный улёт! Трёхмерная графика, стереозвук. Монстры — закачаешься. Можно вдвоём играть. Прикинь, цивилизация в опасности, а тут мусор собирай.

— Всё равно ведь ничего не поделаешь, — развёл руками Лёха.

Он не имел ничего против уборки школьного двора. Видимо, судьба цивилизации волновала его гораздо меньше, хотя он тоже был не прочь погонять монстров.

— А давай сбежим, — предложил Женька. — Пускай Петухов парится. У него мозг с горошину и силы девать некуда. Или Шмыгунов. Его интеллекта хватает только на то, чтобы метлой махать. А людям умственного труда и без того есть чем заняться.

Женька покровительственно положил руку на плечо друга, признавая в нём собрата по разуму. Лёха был забубённым троечником, но вовсе не считал себя дураком. Ему польстила

столь высокая оценка его умственных способностей, хотя здравый смысл подсказывал, что сбегать всё же не стоит.

— А вдруг Вера Ивановна завтра спросит, где мы были?

Он попытался урезонить друга, но если Женька что-то вбил себе в голову, спорить с ним было бесполезно.

— Кто там тебя заметит? Знаешь, какая толпа на субботник выйдет?

Скажем, что работали с другой стороны школы.

После недолгого препирательства Женьке удалось убедить друга. Было решено после уроков по-тихому улизнуть, но возникли непредвиденные трудности. Поскольку Москвичёв с Потаповым оказались не единственными умниками, возле выхода из школы стояла завуч и живенько отправляла особо сообразительных за метлами и граблями.

Заметив преграду, беглецы благоразумно ретировались, но скоро поняли, что попали в окружение.

На лестнице они едва не столкнулись с Верой Ивановной. Хорошо ещё, что Женька Зоркий Глаз её вовремя заметил. Друзья заметались в поисках укрытия. Женька бросился к двери спортзала, и — о чудо! — она была не заперта. Ребята юркнули внутрь, чтобы переждать облаву.

В зале было непривычно пусто. Все звуки отдавались гулким эхом под высоким потолком. Женька обошёл зал, оглядев его хозяйским взглядом, и остановился возле «козла». На уроках физкультуры они были непримиримыми врагами. Вернее, «козлу»-то что, он деревянный, а вот Женьке доставалось. Из-за невысокого роста и не слишком развитой мускулатуры он, хоть убей, не мог перепрыгнуть через снаряд и вечно плюхался на него животом, чем вызывал бурное веселье всего класса.

Женька встал в боксёрскую позу и, пружинисто прыгая, нанёс несколько удачных хуков то ли в морду, то ли в тыловую часть злосчастного «козла», чтобы отомстить ему за свой позор, а потом уселся на него верхом, приосанился и, царственно вытянув руку, спросил:

— Я на Юрия Долгорукого похож?

— Чего? — прыснул со смеху Лёха. — Ты похож на Москвичёва на козле.

— Ну что ты за человек? — разочарованно вздохнул Женька. — Нету у тебя воображения.

— А у тебя есть? Ты скажи ещё, что я на Пушкина похож, — обиделся Лёха.

Это был явный перебор. Даже при очень буйной фантазии было нелегко найти сходство между белобрысым здоровяком Потаповым и светочем русской поэзии. Однако признаться в отсутствии воображения Женька не мог, поэтому он обтекаемо произнёс:

— Это как посмотреть. Некоторые актёры вообще без грима играют.

Он поднялся на ноги и собирался спрыгнуть с «козла» на пол, когда его взгляд упал на окно. Представшее перед ним зрелище было истинным праздником для души: Петухов под пристальным взором математички старательно сгребал граблями опавшую листву. Ради такого аттракциона с «Варкрафтом» можно было повременить. Женька подозвал друга:

— Лёх, смотри, как Петух старается.

Учительницу позвали девчонки. Стоило ей отойти, как Женька подбежал к окну и забарабанил в стекло. Петухов обернулся на стук, и его лицо вытянулось от удивления. Он обратился к работающему рядом Шмыгунову.

— Чего это Москвич там делает?

— Наверное, в зале убирается, — пожал плечами Шмыгунов.

Видя, что Петухов прекратил грести и смотрит в его сторону, Женька крикнул:

— Эй, Петух! Чего застыл? Давай, трудись. Труд сделал из обезьяны человека. Так что старайся, а то так и пробегаешь всю жизнь бабуином.

Женька для наглядности оттопырил уши, скорчил обезьянью рожу и запрыгал возле окна. Он чувствовал себя в безопасности, потому что с такого расстояния Петухов вряд ли мог его услышать. Заметив Женькины кривляния, Петухов усмехнулся:

— Глянь, как Москвича колбасит. Вот макака-то.

К сожалению, им пришлось прервать столь содержательный диалог. Вера Ивановна велела Петухову помочь девочкам собирать сухие листья в мешки. Женька не слышал её слов, зато прекрасно видел, как Петухов положил грабли и направился в сторону парадного входа. Женька забеспокоился: а вдруг тот всё слышал? Накостыляет по шее и «ах» не скажет.

— Атас! Петух идёт! У него что, локаторы вместо ушей? — крикнул Женька и скомандовал: — Лёха, давай в подсобке спрячемся.

— Пойдём лучше вместе со всеми убираться. Верванна даже не заметит, что нас не было, — предложил Лёха.

— Ага, сейчас прямо к Петуху побегу, Только завещание напишу. Видал, как он разъярился? Сто пудов сюда побежал, — с опаской сказал Женька.

— С чего ты взял? Больно ему надо, — отмахнулся Лёха.

За дверью послышались шаги. Медлить дальше было нельзя.

— Что я тебе говорил? — прошипел Женька, ухватил Лёху за руку и потащил за собой в подсобку.

Оказавшись в безопасности, он для верности запер дверь на швабру.

— Когда речь идёт о собственном здоровье, осторожность не бывает лишней, — назидательно изрёк Женька.

Минут пять ребята сидели, прислушиваясь к каждому шороху. В зал так никто и не вошёл. Наконец Лёха не выдержал:

— По-моему, он уже давно свалил.

— Бережёного Бог бережёт, — вспомнил Женька слова бабушки. — Лучше переждать, а то Петух, когда в раж войдёт, совсем борзым становится. Сейчас небось вокруг школы круги наматывает, нас стережёт.

Лёха не возражал. На уборку выходить уже не имело смысла и спешить было некуда, разве что домой, учить уроки. Но с этим делом он никогда не торопился.

Оглядевшись, ребята поняли, что в подсобке можно вполне сносно провести время. В углу в

сетке лежали мячи. Друзья для разминки покидали мяч друг другу, постучали об пол... И тут Женька заметил под потолком небольшое оконце.

— Что это там? Потайное окно? — заинтересовался он. — Сейчас посмотрим, куда оно выходит.

Он вскарабкался на стопку матов и позвал друга:

— Лёха, лезь сюда. Тут такой обзор! Всё под контролем. Глянь, Синицына с Майкой мешки прут. О, гиганты! У Майки от натуги сейчас косица дыбом встанет. Самурай Ташико-Мешковако на особой миссии. Гляди, и Петух там. Вся якудза в сборе.

— Самураи не бандиты, а древние японские воины, — блеснул эрудицией Лёха.

Но Женька оставил его реплику без внимания. Внезапно он посерьёзnel и с возмущением произнёс:

— Опаньки! А это ещё что такое?

— Чё такое? — эхом переспросил заинтригованный Лёха и тоже полез на маты.

Взгляд Женьки был прикован к Вадику Груздеву, который вместо того, чтобы трудиться с остальными, на виду у всех учителей направлялся к калитке. Не считая Петухова, Вадик был для Женьки самой ненавистной личностью, и не потому, что он был школьной знаменитостью. Его славе Женька не завидовал... почти. Мало ли кто побеждает на всяких фортепианных конкурсах. Главным преступлением Груздева было то, что он норовил приударить за Ленкой Синицыной, но самое возмутительное, что она благосклонно принимала его ухаживания.

При виде Груздева, который в самый разгар работы легально, не таясь, покидал школьный двор, Женьку прямо перекосило от негодования. Он воскликнул:

— Я чего-то не догоняю. Груздь что, самый умный? Все пашут в поте лица, а он линяет?

В праведном гневе он даже забыл о том, что трудятся далеко не все. Некоторые члены коллектива удобно возлежат на матах и пялятся в окно.

— Так он же пианист. Небось в музыкалку пошёл, — высказал предположение Лёха.

— Ой, какие мы важные! Может, у меня тоже дел по горло, а я в школе торчу.

— Но мусор-то не убираешь, — справедливо напомнил Лёха и ностальгически добавил: — Лучше бы работали с остальными. Им там весело. Видел? Смеются...

— Нет, теперь я из принципа не пойду. Если Груздь слинял, то я тоже работать отказываюсь. Что же это получается? Он на пианино будет брэнчать в своё удовольствие, а я, значит, мусорского сгребать? Дураков нету.

— Сейчас всё равно незаметно не уйдёшь. Полный двор наших, — урезонил его Лёха.

— Значит, назло всем будем сидеть тут, — решительно заявил Женька.

— Скучно тут, — вздохнул Лёха.

Женька сверху окинул подсобку взглядом и, заметив на столе физрука секундомер, предложил:

— Давай я буду тебя тренировать на скорость по канату лазить.

— Тоже мне тренер нашёлся. Самому слабо хоть до середины доползти? — усмехнулся Лёха.

— Подумаешь! — фыркнул Женька. — Тренеру и не нужно самому париться. На чемпионатах видел тренеров? Там же одни старики лет по пятьдесят. Три метра пробегут — уже одышка, а каких спортсменов готовят!

— Не хочу я лазить, — хмуро отказался Лёха.

— Тогда давай журнальчики полистаем. Занятно, что там спортсмены почитывают?

Он протянул руку и достал с полки стопку журналов «Физкультура и спорт». Друзья так увлеклись разглядыванием красочных фотографий, что не заметили, как двор опустел. Ребята закончили уборку и разошлись по домам.

Первым опомнился Лёха. Он глянул в окно и озадаченно произнёс:

— Э, куда это все подевались? Ушли, что ли?

Женька посмотрел на часы, и глаза у него полезли на лоб.

— Вот это да! Знаешь, который час? Пятый! Все уже по домам сидят, обед трескают. Ну, мы и лажанулись. Всё, Лёха, пора на заслуженный отдых.

Он соскользнул с матов и с гордостью посмотрел на товарища:

— Видал, как я съехал? Прямо бобслей. Ты так умеешь?

Лёха тоже попытался представить себя бобслеистом, но манёвр не удался. Пара верхних матов сверзлась следом за Лёхой и припечатала незадачливого спортсмена к полу.

— Тьфу ты, кажется, я в какую-то дрянь вляпался, — охнул Лёха, вылезая из-под матов.

Это оказалась вовсе не дрянь, а вполне качественная белая краска. Накануне в зале делали разметку и банку с остатками краски отнесли в подсобку.

— Всё. Доигрались. Теперь надо идти отмываться, — мрачно заметил Лёха.

— Не бойся. Главное, чтобы краска не взялась. Свежую мы её быстро ототрём, — успокоил его Женька.

Он вытащил из дверной ручки швабру, которая оберегала их покой, и друзья поспешили к выходу. Но тут их ожидал сюрприз. Дверь в спортзал оказалась запертой на ключ.

Женька подёргал за ручку и позвал:

— Эй, кто-нибудь.

На зов никто не откликнулся. Лёха изменился в лице.

— Что будем делать?

— Не трясись. Сейчас до кого-нибудь докричимся.

Женька постучал в дверь кулаком, но в школьном коридоре по-прежнему было тихо.

— Что там все, оглохли, что ли? Есть там кто живой или нет? — с возмущением крикнул Женька.

Лёха приложил ухо к двери и с тоской произнёс:

— Или нет. Как в фантастическом фильме. Помнишь, ты мне рассказывал? Человек просыпается, а на планете никого.

Они помолчали. Картина вырисовывалась довольно печальная.

— Всё из-за тебя. «Сбежим. Пусть дураки парятся», — передразнил Женьку Лёха. — «Дураки» уже давно дома, пообедали и телик смотрят. А мы тут...

— Ничего, сейчас что-нибудь придумаем.

— Тебе хорошо. Ты чистенький, а я ещё и краской вымазался, — сокрушался Лёха.

Женька лихорадочно искал путь к спасению, и тут ему пришла на ум отличная идея. Он радостно воскликнул:

— Лёха, мы лохи! У нас же на службе технический прогресс.

— Ну? — буркнул Лёха, не понимая, куда клонит Женька, а тот возвестил:

— Сейчас я Сеницыной смску пошлю. Всего-то дел.

Он взял мобильник и быстро набил: «Спасай! Срочно иди в школу».

Сообщение застало Сеницыну в кафе-мороженом, куда ребята пошли всем классом по окончании работы. Получив послание, Сеницына со вздохом произнесла:

— Опять этот придурок.

— Кто? — оживилась Майка.

— Да Москвичёв. Снова какую-то глупость придумал. В школу зовёт.

— Ага, прямо разбежались. Только шнурки погладим, — сказал Петухов.

Все рассмеялись, и Ленка напечатала коротко и ясно: «Щас».

Получив ответ, Женька расслабился.

— Не вибрируй, Лёха. Она в соседнем доме живёт. Мигом явится и выпустит нас отсюда.

— А с рукой что делать? Краска совсем засохнет.

— Ерунда. Я у мамы возьму жидкость для снятия лака с ногтей. Зверь! Любую краску мгновенно смывает. Будешь как новенький.

Прошло пятнадцать минут. Ожидание затягивалось. Женька поминутно поглядывал на часы, а Лёха молча сидел, выставив руку, чтобы ненароком не испачкаться. Наконец Женька не выдержал.

— Ну где она там? За это время можно три раза туда и назад сбегать, — возмутился он и отстучал новое послание: «Ты где?»

Ответ его обескуражил. Прочитав два коротких слова «в пингвине», Женька потерял дар речи. «Пингином» называлось кафе-мороженое, расположенное неподалёку от школы.

— Видал? Мы тут страдаем, в заточении томимся, а она, оказывается, в кафе развлекается!
— в сердцах воскликнул Женька и отстучал: «Чё там делаешь?»

Получив новую смску, Синицына пожала плечами.

— Странный вопрос. Что можно делать в кафе?

«Мороженое ем», — ответила она.

— Зря ты ему сказала, где мы. Сейчас тоже притащится, — недовольно проворчал Петухов.

Вопреки их ожиданиям Женька в кафе не появился и смсок больше не присылал.

— Затих, — сказал Шмыгунов.

— Понял, что ему не обломится, — добавила Майка.

Они не ведали, что у пленников случилась трагедия: связь с миром прервалась. Женькин мобильный разрядился.

— Вот гадство. В самый неподходящий момент, — сокрушался Женька и приказал Лёхе: — Доставай свой.

— Откуда? У меня отец его ещё позавчера отобрал, после того, как я «пару» по алгебре получил. Говорит, что я, кроме игрушек, ничем не занимаюсь.

— Ничего себе! У тебя родители совсем озверели! Человек даже сигнал СОС послать не может! — возмутился Женька. — Пора их воспитывать.

— Воспитаешь тут.

Лёха в сердцах махнул рукой и нечаянно полоснул по джинсам. На тёмно-синей ткани осталось белое пятно.

— Вот непруха! Ещё и джинсы вымазал! Теперь мне отец точно башку открутит, — расстроился он.

Женька мог бы сказать, что это чепуха и пятно ототрётся, но у него не повернулся язык лгать лучшему другу.

Друзья мрачно уставились на злосчастное пятно. Только теперь они начали осознавать, что такое безвыходная ситуация. И тут Женьку в очередной раз осенило. Его лицо просветлело, и он радостно сообщил:

— Лёха, считай, тебе крупно повезло!

— Издеваешься?! Почти новые штаны придётся выбрасывать. Мне их только в прошлом месяце купили, — обиделся Лёха.

Он не ожидал такой чёрствости от друга. Но Женька уверенно заявил:

— Зачем же выбрасывать? Теперь они куда дороже стоят.

— У человека горе, а ты со своими шуточками, — рассердился Лёха.

— Это не шуточки. Это перст судьбы. Я понял, нас не зря здесь заперли. Недаром говорят, что в жизни нет ничего случайного. Это же поворот всей жизни.

— Чего? — не понял Лёха.

— Смысл жизни. Сечёшь? — с пафосом сказал Женька.

Лёха промолчал и только обиженно засопел. Он отнюдь не считал вымазанные краской штаны смыслом жизни. Видя его недоумение, Женька объявил:

— Я понял, кем мне предназначено быть! Дизайнером.

— Чего? — снова протянул Лёха и повертел пальцем у виска, но Женька не обратил внимания на этот жест. Он был выше мелких обид и с воодушевлением продолжал:

— Ты видел, какие джинсы продаются в самых модных и дорогих бутиках?

— Ну? — неопределённо промычал Лёха.

Откровенно говоря, он не считал себя экспертом в области моды и в дорогих бутиках никогда не был. Женька снисходительно пояснил:

— Там такое рваньё висит — праздник бомжа. На помойку выбросишь, никто не подберёт. Твоё пятно просто пустяк, о котором даже говорить не стоит.

— Мне-?? что с твоих бутиков? У меня же обыкновенные джинсы.

— Понятное дело, до стильной одежды они пока не дотягивают. — Женька критически осмотрел Лехины штаны и оптимистично заявил: — Немного подкрасим, порвём в паре мест, будет самое оно.

— Ну уж нет! Я свои джинсы рвать не стану, — наотрез отказался Лёха.

— Не хочешь рвать, не надо. Добавим колорита: лишь несколько мазков, и будет полный порядок. Пойми, тебе терять всё равно нечего, а приобрести ты можешь о-го-го!

Женькино «о-го-го» Лёху не воодушевило.

— Что это тебе, забор, что ли? От масляной краски они колом встанут, — проявил он недюжинную сметку.

— Я же не предлагаю их целиком красить. Надо по ним только пятернёй пройти. Дело говорю.

Женька уже рисовал в своём воображении красочную картину, которая обростала всё новыми деталями.

— Прикинь, в бутике барахло стоит бешеные бабки только потому, что на нём стоит имя известного дизайнера. Да я таких моделей сто за час наштампую. Представляешь, торговая марка «Москвичёфф и компания».

— Что ещё за компания? — насупившись, поинтересовался Лёха.

— Ты. Будешь моим компаньоном. Мы такое производство развернём!

— Размечтался! Как будто ты шить умеешь! — фыркнул Лёха.

— Не путай, Лёха. Дизайнер, это тебе не портной. Это мозг всего дела, усёк? — важно произнёс Женька. — Для начала возьмём готовые джинсы, а потом, когда разживёмся, народ наймём.

Женька оценивающе посмотрел на Лёхины штаны, и Лёхе очень не понравился его взгляд.

— Не дам, — решительно отказался он и отступил на шаг.

— Вот чудак! Своего счастья не видишь. У тебя будут супермодные порты, а не ширпотреб с рынка.

— А мама?

— Что «мама»? Она даже рада будет, когда ты станешь партнёром в модельном бизнесе. Будешь её по всему миру возить. Она тобой гордиться станет.

— Ага, хитренький. Я в краске измажусь, а он с чистыми руками, — возразил Лёха.

— Плохо же ты обо мне думаешь. Я ради дела на всё готов. Вот, смотри, — сказал Женька и обмакнул пятерню в краску.

Он поднял руку и спросил:

— Доволен?

Женькин поступок так потряс Лёху, что тот потерял дар речи, а вместе с тем и бдительность. Очнулся он только, когда Женька припечатал ладонь прямо ему на штаны.

— Ты что?! — вскинулся Лёха.

— По-моему, неплохо, — сказал Женька, оглядывая свою работу.

— Неплохо? — едва не плакал Лёха. — Давай тогда я тебе тоже пятерню поставлю.

— Ты соображаешь, что говоришь? — покачал головой Женька.

— А что?

— В дизайне что главное?

Лёха пожал плечами.

— Индивидуальность. Если один человек ходит в джинсах с пятернёй, это стильно, а если каждый станет пятерню лепить, это уже ширпотреб. Нужно выделяться из толпы.

— Вот сам и выделяйся, — сказал Лёха.

— Чего ты упрямисься? Разбогатеешь, сможешь себе сто таких джинсов купить. Или вообще триста шестьдесят пять. Слабо, каждый день штаны менять?

— Не надо мне каждый день.

— Ладно, если не понравится, обещаю: отдам тебе все мои сбережения. Пойдём и купим новые джинсы, — щедро предложил Женька и добавил: — Всё равно тебе нечего терять.

Это была горькая правда, и Лёха согласился. Некоторое время новоиспечённые дизайнеры преображали Лёхины джинсы в супермодную вещь из бутика, но скоро даже буйная Женькина фантазия иссякла.

Наступали ранние осенние сумерки. Хотелось есть. Узники затосковали.

Избавление пришло неожиданно. Команда старшеклассников пришла на тренировку по баскетболу.

Вечером будущих воротил модельного бизнеса ждало самое суровое испытание. Впрочем, Женька отделался лёгким испугом. Его лишь слегка пожурили за испачканный в краске рукав

(Чего не случается на уборке школы!), да и свитер был уже не новый.

А вот Лёхины родители оказались отсталыми людьми. Они не оценили дизайнерского решения, и отец, который много раз обещал достать ремень, впервые перешёл от слов к делу.

Впрочем, Женька не отчаивался, ведь Дольче и Габбана тоже не сразу стали знаменитыми.

Круговорот

Вот парень, который стоит у стены,
Который надел не по росту штаны,
Которые лихо заправил в ботинки,
Которые в среду купил он на рынке,
Который построили в дальнем районе,
В который я езжу на автофургоне,
Который сейчас я заправлю бензином
На бензоколонке за тем магазином,
Где старый знакомый стоит у стены
И громко клянёт не по росту штаны.

Борец за права человека

Время от времени Лёхины родители принимались за воспитание сына. Обычно это случалось после родительского собрания или когда Лёха приносил «двойку». Но на этот раз гром грянул среди ясного неба. До окончания четверти оставалось ещё целых две недели. Казалось бы, радуйся жизни и дай радоваться другим. Ан нет! Папа ни с того ни с сего воспылал желанием посмотреть дневник сына. Нельзя сказать, что положение у Лёхи было катастрофическим, но и похвастаться было нечем.

Дневник выглядел настоящим ветераном. Он был засаленным и потрёпанным, как бестселлер с библиотечной полки.

Листая страницы, папа заметно мрачнел.

— Так-так. Сплошные «тройки», а по русскому «двойка».

Его тон не предвещал ничего хорошего.

— Я «двойку» исправил, — вставил Лёха.

— Всё равно. Хватит балбесничать. Скоро четвертные контрольные. Пора браться за ум. Вот тебе упражнения. Пока не сделаешь, на улицу не пойдёшь.

Щедрой рукой папа галочками отметил нужные задания.

— Ты что? Это же за неделю не переписать! — ужаснулся Лёха.

— Ничего. У тебя два дня впереди. За выходные управишься. Не грех иногда и напрячься, — безжалостно сказал отец, а мама подхватила:

— И так сколько гулял! Конец четверти на носу, а он и не чешется.

Лёха глянул в окно. Весна набирала силу, и всё живое стремилось к солнцу. В такую погоду запереть его дома было бесчеловечно. Лёха трепыхнулся было, чтобы донести до отца эту мысль, но хмурый родитель даже слушать не стал. Помилования ждать не приходилось.

После завтрака родители отправились по магазинам, а Лёха остался дома корпеть над ненавистными упражнениями. Когда за ним по обыкновению забежал Женька, Лёха тяжело вздохнул:

— Меня гулять не пускают. Говорят: контрольные на носу. Ну ты же моих знаешь.

Он с досадой махнул рукой.

— Что ж, ты так и просидишь все выходные, как последний дуралей? — спросил Женька.

— Можно подумать, у меня есть выбор, — угрюмо огрызнулся Лёха.

— Выбор есть у каждого, — философски заметил Женька и добавил: — Ты своих предков совсем распустил. Их воспитывать надо.

— Ну и сказанул! Как же, воспитаешь их! — фыркнул Лёха.

— Воспитать можно кого угодно, только для этого сначала надо самому стать личностью, — твердо сказал Женька.

— Ха! Да мои родители какую угодно личность в бараний рог согнут и не заметят, — возразил Лёха.

— Это потому что ты бесхарактерный.

Подобное заявление задело Лёху не на шутку. Легко Женьке говорить, когда ему ещё ни разу не запретили выходить на улицу.

— Никакой я не бесхарактерный, — насупился он.

— Это мы сейчас проверим. Вот скажи, кто ты такой?

— В каком смысле?

— В самом прямом.

— Ну, пацан.

— А ещё?

— Ученик.

— А ещё?

— Ну, Потапов Лёха. Чего пристал?

— А то, что это без характера ты Лёха. А с характером ты уже не Лёха.

— А кто же я тогда, по-твоему, Пушкин, что ли? — усмехнулся Лёха.

— Ты — узник. Жертва родительского деспотизма.

— Чего-о??? — вытаращился Лёха.

— «Вскормлённый в неволе орёл молодой», — продекламировал Женька, — вот ты кто. Понятно?

На Лёхином челе отразилась усиленная работа мысли. Он медленно переварил сказанное, а потом решительно заявил:

— Да моему отцу хоть ястреб. Пока упражнения не напишу, гулянья мне не видать.

— Это потому, что ты сам в себе личность не чувствуешь. Ты должен заявить о себе во всеуслышание.

— Орать, что ли, что я личность?

— Балда ты. «Орать», — передразнил друга Женька. — Заявлять о себе надо. Что делают узники, чтобы привлечь к себе внимание?

— А я почём знаю? — пожал плечами Лёха.

— Объявляют голодовку — вот что, — со знанием дела сказал Женька.

— Ты думаешь, поможет? — неуверенно спросил Лёха.

— Факт. Объяви голодовку и выстави свои требования, чтобы твои права не попирали.

— В смысле, чтоб гулять отпустили?

— Ну да. Прикинь, ты день не ешь, другой. А на третий...

— Налопакуюсь. Что же мне, и в понедельник голодным ходить?

— Ты, Лёха, мозг-то напряги. Я тебе дело советую, а ты всё портишь. Ты же должен их в перспективе воспитывать.

— Это как? — не понял Лёха.

— На будущее. Вот увидишь, на третий день родительское сердце дрогнет. И тогда проси, чего хочешь. Стоит только пригрозить, что объявишь голодовку, и они станут как шёлковые. Средство проверенное.

Перспектива выглядела заманчиво, но Лёху беспокоило одно обстоятельство:

— А вдруг я проголодаюсь?

— Наешься впрок, чтобы надолго хватило. Вон верблюд раз в три месяца ест — и ничего, — посоветовал Женька.

Не откладывая в долгий ящик, мальчишки достали из холодильника всякую снедь, и Лёха

стал готовиться к предстоящему испытанию. Вообще-то он недавно позавтракал и есть не хотелось, но ради дела нужно было постараться. Он без особого труда одолел банку шпрот, окорок и три сосиски. Четвёртую сосиску пришлось пропихивать солёными огурцами. Дальше дело пошло ещё тяжелее, но Лёха проявил завидное упорство, прикончив яблоко и два апельсина.

Женька услужливо пододвинул вазочку с овсяным печеньем, но Лёха почувствовал, что у всякой личности есть предел возможностей. Кусок встал поперёк горла.

— Всё. Больше смотреть не могу на эту еду, — отдуваясь, пропыхтел он.

— Порядок. Значит, теперь ты готов. Всё пройдёт как по маслу, — потирая руки, подбодрил друга Женька.

Перед обедом Лёха с лёгким сердцем отказался от еды, но мама ничуть не беспокоилась. Она заглянула в холодильник и покачала головой:

— Немудрено, что ты не голодный. Это сколько же ты умял?!

Сначала Лёху обескуражило такое пренебрежение к его голодовке, но потом он вспомнил, что надо выставить требования.

— Я вообще есть не буду. Я объявляю голодовку, — торжественно произнёс он.

— Что, объелся? — подмигнул папа, заходя на кухню. Его шуточный тон совсем выбил Лёху из колеи. Борец за свободу, заикаясь, пролепетал:

— Я требую, чтобы вы того... это... — Лёха тщетно пытался вспомнить умные слова, которые говорил Женька, но, как назло, под перекрёстным взглядом родителей все складные речи вылетели из головы.

Наконец Лёха выпалил:

— Чтоб вы не припирали мои права.

— Ах, вот в чём дело! — рассмеялась мама. — Ну вот что, припёртый, есть захочешь, придёшь.

— Тебе поголодать не вредно: освободится лишних полчаса на упражнения, — заключил папа.

Женькин план дал осечку. Голодовка началась явно не так, как ожидалось.

Лёха с тоской поплёлся к себе в комнату. В голове роились мрачные мысли. «Вот и голодай после этого. Хорошо ещё, наелся впрок».

Однако к вечеру Лёха основательно проголодался и был не прочь поужинать. К тому же мама затеялась печь его любимый яблочный пирог. Аромат витал по всей квартире. Лёха уже всерьёз подумывал завязать с голодовкой, когда ему позвонил Женька:

— Ну как?

— Мама пирог печёт. Яблочный.

— Подлизывается. Вот увидишь, скоро станут шёлковыми, — сказал Женька.

— Ты думаешь?

— Сто пудов! Главное, держись и не поддавайся на провокации.

— Это как?

— Когда тебя позовут ужинать, прояви себя личностью. Ничего в рот не бери, пока все требования не выполнят. Держись, Лёха.

— Ладно, — вздохнул Лёха и повесил трубку.

Женьке было легко советовать. Попробовал бы он на голодный желудок нюхать мамин яблочный пирог. Лёха стал ждать, когда его позовут. При этом он не был уверен, что сумеет проявить себя личностью. Впрочем, ему даже не дали возможности это сделать.

Мама с папой как ни в чём не бывало уселись за стол и принялись уписывать пирог. Они даже не подумали о том, что в мире есть люди, которые голодают. Положение становилось катастрофическим. Надо было срочно вызывать Женьку. При нём родители точно постесняются оставить сына без еды. Лёха набрал номер телефона друга и, прикрывая ладонью трубку, прошептал:

— Жень, это я. Приходи. Срочно.

— А что такое?

— С родителями проблема. Я от голода умираю, а им хоть бы хны. Может, ты поможешь.

Не прошло и пяти минут, как в дверь позвонили. Увидев Женьку, Галина Васильевна — Лёшкина мама — радушно пригласила:

— Женечка, проходи. Я только что пирог испекла.

Она усадила гостя за стол и положила ему на тарелку большой кусок пирога.

— А Лёха? — как бы невзначай спросил Женька.

— Он не хочет, — беспечно ответила Галина Васильевна.

Лёха от возмущения и обиды даже не нашёлся, что сказать. Это была явная ложь. Вместо Лёхи ответил папа:

— У него разгрузочный день. Впрочем, Алексею не помешает немножко похудеть. Правда, сын?

Между тем мама продолжала потчевать Женьку:

— Да ты ешь, не стесняйся. Если Лёша не хочет, зачем тебе сидеть впроголодь?

Женька обернулся к Лёхе и одобрительно сказал:

— Молодец, Лёха. Сильный характер.

Он в знак солидарности поднял сжатый кулак, а потом смачно откусил пирог.

Лёха смотрел, как трое садистов на его глазах уплетают его любимое лакомство. Зрелище было жестоким и мучительным. Чтобы напомнить о себе, Лёха слабым голосом сказал:

— Голодающие иногда даже сознание теряют. За ними «скорая помощь» приезжает.

— Тебе это не грозит, — возразила мама.

Лёхе было обидно до слёз, но при Женьке он решил выдержать характер. Пускай знает, кто тут личность, а кто садист-самоучка.

На следующее утро Лёха подошёл к папе и молча положил перед ним исписанную тетрадь.

— Уже сделал? — удивился отец.

Он просмотрел упражнения и одобрительно сказал:

— Смотри, как после голодовки на тебя просветление нашло. Можешь ведь, когда захочешь.

— Завтракать-то будешь? — поинтересовалась мама.

«Наконец-то спохватилась», — мрачно подумал Лёха. Он был ещё обижен, поэтому решил выдержать характер.

Пускай поупрашивает.

— Что-то не хочется, — с деланным безразличием отказался он.

— Как знаешь, — пожала плечами мама.

В этот момент Лёха понял, что уже достаточно проявил себя как личность, и поспешно сказал:

— Разве только чуть-чуть.

Он никогда не ел с таким аппетитом. После завтрака папа сказал:

— Иди погуляй, а после обеда займёмся математикой.

— Хорошо, — безропотно кивнул Лёха.

Сытый и довольный, он вышел во двор.

— Ну что, порядок? Воспитал своих? — спросил Женька.

— Угу, — немногословно ответил Лёха.

— Я же говорил: станут как шёлковые.

— Точно, — согласился Лёха и подумал: «Ничего, что после обеда придётся задачки решать. Может, оно даже к лучшему. Контрольные ведь на носу».

Питомцы

Мне не дают с утра поспать.

Щенок запрыгнет на кровать

И носом тычется: «Вставай!»

— Проснись! — прикрикнет попугай.

«Умойся», — промурлычет кот,

И сам пример мне подаёт.
Мне не дают лежать без дела.
Как эта живность надоела!
Лишь я из школы на порог —
Кот трётся ласково у ног:
«Со мной немножко поиграй».
— Привет! — воскликнет попугай.
«Пойдем гулять!» — зовёт щенок
И сразу тащит поводок.
Готов поспорить, в целом свете
Питомцев лучше нет, чем эти.

Сочельник

Лена Синицына влюбилась. Её чувство длилось уже долго, с прошлого года, а точнее целых шесть дней. Началось всё тридцать первого декабря. Ленка столкнулась в лифте с Эдиком Завьяловым из десятого «А». Он жил этажом ниже и прежде её в упор не видел. Старшеклассники редко снисходят до общения с малолетками. Но в тот роковой день Эдик вдруг улыбнулся:

— Привет, соседка. Ишь, какая симпатичная выросла.

От неожиданности Ленка впала в ступор, как опоссум, у которого над ухом разорвалась хлопушка. И было от чего. По Эдику сохла половина школы. Комплимент от него означал — подружки помрут от зависти. Пока Ленка изображала из себя статую «Я не столб, я притворяюсь», лифт остановился. Двери открылись. Эдик бросил «пока» и вышел.

В этот миг Ленка поняла, что влюблена окончательно и бесповоротно.

Начались зимние каникулы — самое развесёлое время. На Синицыну буквально посыпались приглашения. Вадик Груздев звал её в филармонию на концерт, Женька Москвичёв — в кино, Петухов — на ёлку в Дом культуры, у него там мама работает. Прежде Ленка без оглядки бросилась бы в водоворот развлечений, но теперь одноклассники казались ей слишком мелкими и недостойными внимания. Детский сад! Какой нормальный человек в шестом классе пойдёт на ёлку? Да Эдик её после этого станет презирать!

Просидев несколько дней в добровольном заточении, Синицына поняла, что погорячилась. Любовь любовью, а каникулы проходили скучно. Ближайшая подружка Майка как конь носилась с младшим братишкой по детским утренникам. А идти на попятную и обзванивать мальчишек Ленке не хотелось. Вообразят невесть что!

Её одиночество скрашивала только «Вампирская сага». Вот это любовь! Укусить и выпить кровь до капельки! Ленка представляла, как Эдик впивается зубами ей в шею, и она без чувств падает в его объятия. Жалко, что он не вампир, но должен же у него быть хотя бы один недостаток.

Неделя страданий подходила к концу, когда позвонила Майка. Услышав голос подруги, Ленка укоризненно сказала:

— Наконец-то! Я уж думала, ты мой номер забыла.

— Так Ванечка с утра до ночи на мне, — оправдывалась Майка. — Каждый день ёлки. Столько подарков, а у него диатез. Я уже объелась этим шоколадом.

У Ленки от возмущения пропал дар речи. Пока она терзается от любви, лучшая подруга радуется жизни и уплетает шоколад.

— Ты знаешь, какой сегодня день? — заговорщицки продолжала Майка.

— Среда.

— При чём тут среда! Сегодня Сочельник. Нужно гадать.

— А ты умеешь? — загорелась Ленка.

— Спрашиваешь! Приходи.

— А как же Ванечка?

— Его бабушка забрала. Так что я дома одна.

Ленка не заставила себя ждать, благо, Майка жила в том же доме, через два подъезда. Не прошло и пяти минут, как подружки уютно устроились на диване.

— Кто у нас суженый-ряженный? Груздев? — спросила Майка с видом человека, посвящённого в сердечные тайны.

Ленка состроила недовольную гримасу.

— Почему обязательно Груздев? Как будто других мальчишек нет.

— А кто ж тогда? Женька Москвичёв, что ли?

— Нашла суженого! А то я без гадания не знаю, что он за мной бегаёт!

— Ну, не на Петухова же гадать, — развела руками Майка.

— Что ты привязалась к нашему классу? Разве нельзя погадать просто так?

Судя по тому, как Ленка разозлилась, Майка почуяла, что тут скрыта сердечная тайна, и, как хорошая гончая, взяла след.

— А в каком он классе? В параллельном?

— Может, у меня суженый вообще не из нашей школы, — сказала Ленка, чтобы помуржить докучливую подругу.

— Иди ты! А откуда?

— Ниоткуда. На то и гадают, чтобы узнать. А то получается не гадание, а заказ.

— Ладно, — согласилась Майка. — На чём будем гадать? На книжке или на кофейной гуще?

Выбор был очевиден:

— На кофейной гуще.

Кофе был запрещённым напитком. Как примерная девочка, Лена всегда слушалась маму. Но если нужно для дела, то запретом можно пренебречь.

Хозяйственная Майка со знанием дела засыпала кофе в турку и поставила ее на плиту. Как только пенный напиток полез через край, она разлила его по чашкам и стала наставлять подружку:

— Пока пьёшь, думай: «Суженый-ряженный, покажись мне».

— Как же он покажется? — заинтересовалась Ленка.

— Там увидим, — загадочно произнесла Майка.

Кофе оказался той ещё гадостью. Мама могла бы его и не запрещать. Если б не гадание, Ленка ни за что не осилила бы чашку. Как только Майка пьёт, не давится? Наконец они перевернули чашки на блюдца.

Выждав минуту, Майка подняла свою. Остаток кофе растёкся по стенке широкой полосой. Видно, время любви для неё ещё не пришло. Зато в Ленкиной чашке гуща размазалась затейливым узором, в котором чётко угадывались очертания голенастой птицы.

— Петухов, — уверенно заявила Майка.

— Почему Петухов? — возмутилась Ленка.

— Видишь, тут петух.

— Нет тут никакого петуха!

— Как же нет, когда есть. Вот гребешок, крылья и ноги, — не уступала Майка.

— Даже если тут петух, это ещё ничего не значит. Мало ли фамилий с петухом.

— Какие?

— Например, Петушинский.

— Ага, скажи ещё Петушидзе, Петушкявичус или Петухье, — съязвила Майка.

— Всё равно это неправильное гадание. По-моему, на петуха совсем непохоже. И потом, зачем мне этот дуболом? Сила есть — ума не надо.

Синицына представила себе Эдика: с бледным лицом, весь в чёрном, с развевающимся за спиной плащом, он смотрелся очень эффектно. Что-то вампирское в нём всё же было. А красномордого Петухова к склепу подпускать — только покойников пугать. С ним ничего возвышенного рядом не стояло.

— Погадай лучше на книжке, — попросила Ленка.

— Назови страницу, строчку сверху и номер слова.

Цифры слетели с Ленкиных губ сами собой:

— Семнадцать, один, четыре.

Номер квартиры, подъезд и этаж, где жил Эдик. Он снова нарисовался в её воображении. Чёрный плащ вздымался на ветру, точно крылья. Голос Майки вернул Сеницыну с небес на землю.

— Потапыч.

— Чего? — не поняла Ленка.

— Потапыч, — повторила Майка. — Вот, смотри.

Майка протянула яркую книжку про трёх медведей.

— Ты бы ещё «Репку» взяла! — рассердилась Ленка.

— Но ведь прикольно получилось. Лёшка Потапов — твоя любовь, — засмеялась Майка.

— Это не считается! Тоже мне, нагадала какого-то троечника. Бери нормальную книгу и гадай.

Книжек в доме у Майки было не густо. Все они, за исключением учебников, принадлежали Майкиному младшему братишке. Единственным печатным изданием была стопка журналов «ТВ-парк».

— Гадай по журналу, — приказала Ленка.

— Тебе не угодить. Называй цифры, — проворчала Майка.

На этот раз Сеницына назвала три цифры наобум. Майка пошелестела страницами, отсчитала нужную строчку и зашлась в смехе.

— Что там такое? — с подозрением спросила Ленка.

Майка давилась от хохота не в силах вымолвить ни слова. Сеницына вырвала журнал из рук подружки и стала считать строчки.

— Москвич!.. — умудрилась выдать из себя Майка.

— Ты что, издеваешься? — не на шутку разозлилась Ленка.

— А что? Москвичёв отличник. Ты же не хотела троечника, — никак не могла отсмеяться Майка.

— Ты всё нарочно подстраиваешь! — обиделась Ленка.

Она обиженно отвернулась от подружки, подошла к окну и сделала вид, что её захватило зрелище пустой улицы. И тут она увидела Эдика. Он шёл мимо. Ей на ум пришли строки стихотворения:

Раз в крещенский вечерок

Девушки гадали:

За ворота башмачок,

Сняв с ноги, бросали...

Недолго думая, она побежала в прихожую. Конечно, замызганные, растоптанные угли — это не хрустальные туфельки и не атласные черевички, но выбрать не приходилось.

Ленка вернулась в гостиную и бросилась к балкону.

— Ты чего? — недоумевала Майка, наблюдая за манёврами подруги.

— Под Сочельник башмачок бросают, — пояснила Синицына.

— С ума сошла! А если он кому-нибудь на голову свалится?

— В том и суть! Кто поднимет, тот и суженый.

— Стой! Мне от родителей попадёт! Майка рванула наперерез, но не успела. Балконная дверь распахнулась, и войлочный сапог птицей вылетел на улицу. Девчонки замерли: Майка — от ужаса, Ленка — от любопытства: поднимет его Эдик или нет? Выглянуть наружу они не решились. Через пару минут в дверь позвонили.

— Он! — воскликнула Ленка и на крыльях счастья полетела открывать.

На пороге стоял Вадик Груздев. В руках он держал стоптанный войлочный сапог.

— Лен, кажется, это твой? — спросил он.

— Не мой! — в сердцах выпалила Ленка.

— Ладно, — покорно согласился Вадик и повернулся уходить.

— Ты куда?! — властно остановила его Ленка.

Вадик пожал плечами.

— Пойду в мусоропровод выброшу.

— Стой! Дай посмотреть.

Синицына вырвала сапог из рук Груздева, оглядела его, как эксперт, оценивающий подлинность произведения искусства, и вынесла вердикт:

— Похож.

Майка прыснула со смеху и спросила:

— А как ты узнал, что сапог надо нести сюда?

— Один парень видел, откуда он выпал. Хотел сам прийти, но я сказал, что тут живёт моя одноклассница.

Сердце у Ленки забилось часто-часто.

— А зачем вы сапог-то выбросили? — спросил наивный Вадик.

Майка открыла было рот, но Синицына её опередила.

— Не задавай глупых вопросов, — сказала она и захлопнула дверь.

Майка с завистью смотрела на подружку.

— Счастливая ты, Ленка! За тобой столько мальчишек бегают.

— Малолетки, — презрительно скривилась Сеницына.

Теперь она точно знала, кто её суженый. И зачем только этот Груздев вмешался!

На другой день Ленка, спускаясь по лестнице, услышала голоса. Эдик с другом беседовал на площадке. Ленка остановилась и прислушалась.

— Прикинь, вчера меня чуть валенком не пришибли, — жаловался Эдик. — Какая-то дура из окна выбросила. Не двор, а помойка. Хотел пойти, нахлобучить ей этот валенок по самые уши.

— Ну и?

— Парнишка мимо шёл, сказал, что знает, чей это шкрёбальник. Я велел ему передать этой идиотке всё, что я о ней думаю. Её счастье, что я на свиданку с Ксюшей опаздывал, не то заставил бы её босиком в Африку бежать.

Ленка развернулась, поднялась на свой этаж и нажала на кнопку вызова лифта. Идти мимо Эдика не хотелось. Ей вообще не хотелось его видеть. Как она могла в него влюбиться! Она-?? думала, что он тонкий, возвышенный, а он... Одно слово — не вампир.

Дух Пушкина

Знал бы, где упадёшь — соломки бы подостлал — гласит народная мудрость, но увы, будущее от нас сокрыто. Раньше Майка так и думала. Каково же было её удивление, когда она обнаружила, что человечество накопило большой опыт по части пророчеств. И почему люди этим редко пользуются? Сама она в каждом журнале первым делом читала гороскоп и всё больше убеждалась, что звёзды не лгут.

Например, сказано, что сегодня «скорпионам» нельзя дерзить начальству, иначе будут неприятности, — значит, сиди тихо, не высывайся. А Петухов нагрубил историчке, и его родителей вызвали в школу. Или в гороскопе написано, что нужно быть готовым к непредвиденным трудностям, и точно — жди контрольную по математике или диктант. В общем, астрологию не дураки придумали.

Прогнозы звёзд настолько увлекли Майку, что, увидев в книжном магазине «Пособие по составлению гороскопов», она не удержалась и истратила на него все деньги, скопленные на косметический набор «Маленькая принцесса». Раньше ей и в голову не пришло бы разбрасываться деньгами на книги, но теперь она была совершенно счастлива. Она несла ценное приобретение, крепко прижимая его к груди. Весь вечер Майка провела над постижением тайн небесных светил, а на следующий день принесла книгу в школу, чтобы применить знания на практике.

Главный конфуз вышел с ближайшей подругой Ленкой Сеницыной. На большой перемене Майка долго рассчитывала и прикидывала, что ждёт Ленку в будущем, а потом озадаченно произнесла:

— Странно, но звёзды говорят, что в этом году ты должна выйти замуж.

— Ты что?! Мне же двенадцать, — прыснула Сеницына.

Майка серьёзно наморщила лоб.

— Наверное, я не учла влияние Сатурна, ведь нахождение домов Венеры и Марса я определила правильно.

Москвичёв, который вечно лез не в своё дело, ехидно вставил:

— Слышь, Майка, а в твоём доме с крышей как? Когда съезжает, на уши не давит?

— На себя посмотри, — Майка гордо вскинула голову и не преминула напомнить: — Между прочим, вчера Потапову я предсказала хороший день и его ни на одном уроке не вызвали.

Аргумент действия не возымел. Люди чаще помнят неудачи, чем успехи, поэтому Майка решила в школу заветную книгу не носить. Не стоило распинаться перед серостью, которая даже в гороскопы не верит. Зато дома, для практики, она регулярно составляла прогнозы звёзд, чтобы быть готовой к любым жизненным ситуациям. Очередное предсказание поставило её в тупик.

«„Рыбам“ нужно быть осмотрительнее в выборе деловых партнёров, иначе их ждут серьёзные потери».

Майка призадумалась: кого считать деловым партнёром? Если одноклассников — так их не выбирают, а воспринимают, как неизбежность. Будь её воля, она бы в упор не видела двоичника Шмыгунова или дуболома Петухова. А хуже всех, несомненно, был Женька Москвичёв. Даром, что отличник, но с такой придурью — мистер Бин отдыхает.

Среди мальчишек один нормальный — Потапов: не дразнится, рожи не корчит, подножек не ставит, за косы не дёргает. Словом, ведёт себя как человек, если бы только не дурное влияние Москвичёва. Вот Лёшке точно надо быть осмотрительным в выборе деловых партнёров!

И тут до Майки дошло, что в гороскопе говорится именно про Потапова.

Он ведь тоже «рыба», у них между днями рождения разница всего в три дня. Надо бы его предупредить, хотя вряд ли он послушает.

Однако Майке так и не удалось осуществить доброе намерение по спасению Потапова. Помешал приезд родни из Чебоксар. Тётка с дочерью проездом гостили всего два дня, но этот визит стал новой вехой в Майкином образовании. Двоюродная сестра была старше всего на год, но обладала таким богатым опытом по части гадания, что Майка слушала её, открыв рот, а накануне отъезда родственница поведала ей самый загадочный и магический способ, которым можно предсказывать будущее.

Майку так и распирало поделиться обретённым знанием. На следующий день встретив Сеницыну, она на одном дыхании выпалила:

— Ленка, слушай, я тебе такое скажу!.. Закачаешься.

Майка закатила глаза, чтобы придать сообщению больший вес.

Сеницына обратилась в слух, поскольку подружка была кладезем познавательной информации. Именно от неё Ленка узнала, что во Владимирской области обнаружен одичавший вампир, а в Африке зафиксировали следы снежного человека. Однако на сей раз подруга её разочаровала.

— Хочешь с Пушкиным поговорить? — заговорщицки спросила Майка.

— А чего мне с этим дураком говорить? — презрительно фыркнула Синицына.

Юрка Пушкин учился в параллельном классе и был не самой популярной личностью в школе: беспросветный троечник, вечно ходил неопрятным и нечёсаным. Словом, позорил фамилию знаменитого классика.

— Да я не про Юрку, — отмахнулась Майка. — С настоящим Пушкиным хочешь поговорить? С Александром Сергеевичем?

— Он же умер.

Ленка посмотрела на подругу, как на ненормальную: занятия астрологией явно влияли на неё не лучшим образом. Однако Майку это ничуть не смутило. Она понизила голос и, склонившись к Ленкиному уху, доверительно произнесла:

— Я знаю, как его вызвать. Мне двоюродная сестра рассказывала. Она уже несколько раз с ним общалась.

— Как это? И что, он приходит? — Лицо у Ленки вытянулось от удивления.

— Не всегда. Только если захочет. Но чтобы получилось, нужно не меньше четырёх человек.

Ленка сильно сомневалась, что великий поэт захочет до них снизойти. У неё хоть «пятёрка» по литературе, а Майка выше «четвёрки» не тянет, да и книжек не читает. С ней гению русской словесности вообще говорить не о чем.

— Делать ему больше нечего, бегать по каждому вызову, — скептически усмехнулась Синицына.

Недоверие подруги раззадорило Майку.

— Зря смеёшься. К сестре же приходил. Может, он даже рад иной раз развеяться.

Девчонки увлеклись разговором и не заметили, что рядом находятся лишние уши. Москвичёв, который до сих пор молча внимал диалогу подружек, не выдержал и воскликнул:

— Тушите свет! Майка зомби будет вызывать. А посмотреть можно?

— Перетолчешься, — огрызнулась Майка.

— Нет, правда, прикольно ведь. Пришлѐпает такой зомби...

Женька изобразил вылезшего из могилы мертвеца. Он пересмотрел немало фильмов ужасов и довольно натурально изображал шаткую походку и конвульсивное подѐргивание представителей того света.

— Ну, Москвич, ты вылитый жмурик. В массовке можешь без грима подрабатывать, — хохотнул Петухов.

Майка зло прищурилась. Поведение мальчишек было просто возмутительным. Вечно они норовили серьёзное дело превратить в балаган.

— А вы вообще молчите! С вами никто не разговаривает, — сердито прикрикнула она.

— Ты нам рот не затыкай, — возмутился Петухов. — Понты всё это. Так к тебе зомби с кладбища через весь город и поплюхал. Жди.

Женька подлил масла в огонь:

— Бери выше, Петух. Она на Пушкина замахнулась. Обыкновенный зомби ей не катит.

— Да что вы пристали со своим зомби! — разозлилась Майка. — Вызывают дух. Если не верите, можем сегодня вечером попробовать. Сами убедитесь.

Едва произнеся эти слова, Майка тотчас поняла, что погорячилась. Пустить в приличный дом Петухова — это ещё куда ни шло. Пусть про этикет он слыхом не слыхивал, но от него хоть каверз ждать не приходится. А вот Москвичёва можно позвать в гости только в страшном сне.

— Нужны четверо, — сказала Майка, сделав ударение на количестве гостей, но не успела пригласить поимённо, как Женька решил по-своему:

— Петух, ты в ауте.

— Почему я?

— А кто позавчера по литературе «двойку» получил? — напомнил Женька. — Так что теперь ты недостоин беседовать с классиком. Может, твоё присутствие его оскорбит.

— У Потапова тоже по сочинению «двойка». Значит, и ему нельзя, — резонно заметил Петухов.

— Нет, без Лёши мы вызывать духов не будем, — твёрдо заявила Майка.

Потапов был единственным из мальчишек, кто был ей симпатичен.

— Я что-то не въезжаю, в чём проблема? — усмехнулся Женька. — Сказано, не меньше четырёх, значит, больше можно. А нас пятеро.

Майка сделала последнюю попытку отменить спиритический сеанс.

— Ой, совсем забыла. Нужен лист ватмана и свечи. Так что ничего не получится.

— Не вопрос. Ватман за мной, — вызвался добровольцем Женька.

Он не мог допустить, чтобы сорвалось такое многообещающее мероприятие.

— А я захвачу свечи. У нас с Нового года остались, — пообещал Лёха.

Женька обернулся к Петухову:

— Петух, всё-таки ты в ауте. Или думаешь на халяву к литературе приобщиться?

Петухов наморщил лоб в попытке придумать, какую лепту может внести в общее дело, и просиял:

— Я зефир принесу. В шоколаде.

— А я вафельный торт, — подхватила Синицына.

Мероприятие приобретало масштабность. Будучи сладкоежкой, Майка подумала, что иногда от Москвичёва тоже есть прок.

Встречу назначили на пять. Время было удобным со всех сторон. Во-первых, зимой темнеет рано и в пять на дворе уже почти ночь. А во-вторых, до семи квартира оставалась в полном распоряжении медиумов: родители были на работе, а младший братишка в детском саду.

На спиритический сеанс все явились без опозданий, как на дискотеку.

У Женьки под мышкой торчал рулон бумаги, Лёха, как и обещал, принёс три свечи, Ленка — торт, а Петухов явился, как на праздник: в новом свитере и с коробкой зефира.

Под командованием Майки ребята занялись приготовлениями. Рисовать поле досталось Синицыной, как обладательнице самого красивого почерка. На листе ватмана Ленка старательно вывела по кругу алфавит: от А до Я. Осталось дописать внизу два коротких слова: «да» и «нет», а наверху — цифры от нуля до десяти.

Майка достала фарфоровое блюдце и на донышке чёрным фломастером нарисовала стрелку.

Петухов с Москвичёвым расставили стулья, а Лёха зажёл свечи.

В комнате установилась такая таинственная атмосфера, что даже мальчишки, которые скептически относились к гаданию, готовы были поверить в существование потусторонних сил.

Пока Ленка заканчивала писанину, Майка делилась рассказами, которые слышала от двоюродной сестры.

— ...А один раз он явился жуть какой сердитый и начал ругаться.

— Натурально? Вот это да! — В голосе Женьки послышался неподдельный интерес.

Ему всё больше нравилась идея вызова духа. Было бы занятно послушать, как ругается великий поэт, ведь каждому известно, что словарный запас у него был богатый, не в пример нынешнему поколению.

Наконец всё было готово. Поле с буквами расстелили на столе, на него положили перевернутое кверху донышком блюдечко и уселись вокруг. Майка, как самый главный знаток спиритизма, поучала:

— Руки положите на блюдечко, пальцами прикоснитесь. Но не давите, а то блюдце ходить не будет.

— Как это «ходить»? У него что, ноги вырастут? — засмеялся Петухов.

Тихо, — одёрнула его Майка и сделала торжественное лицо, дав понять, что шутки закончились.

— Вызываю дух Пушкина, — загробным голосом произнесла она.

Как и следовало ожидать, ничего не произошло. Неудача Майку не обескуражила. Она повторила:

— Вызываю дух Пушкина. Дух, выходи.

Прождали ещё минуту. Ничего.

— Ну и где же твой зомби? — спросил Петухов.

— Вот ещё раз назовёшь его зомби, он рассердится и вообще не покажется!

— Я чё-то не понял. Ты ведь говорила, если он рассердится, то ругаться начнёт, — напомнил Женька, которого сильно интересовал вопрос расширения словарного запаса.

Столь несерьёзное отношение к сеансу было вопиющим. Майка в сердцах воскликнула:

— Мне вообще не надо было вам ничего рассказывать! Вы всё только портите!

— Вот именно, — поддержала подругу Ленка. — Неужели нельзя хоть немного помолчать? Не интересно, так не надо было приходиться.

Гнев девчонок охладил шутников. Мальчишки притихли. Синицына была права. Уж если собрались, надо дать Майке покуролесить, а потом с чувством выполненного долга идти пить чай со сладостями.

Сосредоточившись, Майка снова обратилась к духу с просьбой снизойти.

Судя по всему Александра Сергеевича не слишком вдохновляло общение с лоботрясами из шестого «Б».

Несдержанный Петухов уже хотел было предложить всем переместиться на кухню, как вдруг блюдце дрогнуло, плавно заскользило по ватману и остановилось. Стрелка указывала на слово «да».

Майка победоносно посмотрела на одноклассников.

— Ты согласен отвечать на наши вопросы? — торжественно спросила она.

Блюдце сделало небольшой кружок и снова вернулось на прежнее место.

— Ни фиги себе! — воскликнул Петухов.

Майка метнула на него сердитый взгляд и шёпотом предложила:

— Задавайте вопросы.

Ленку интересовало, как к ней относится Завьялов из десятого «А», но она ещё не сошла с ума, чтобы спрашивать об этом при мальчишках, поэтому скромно поинтересовалась:

— Что у меня будет в четверти по русскому?

Стрелка остановилась на цифре «5».

— Ура! — обрадовалась Синицына.

— А как вы относитесь к непечатной лексике? — спросил Женька, пытаясь направить разговор в интересующее его русло.

Блюдце понеслось по бумаге, каждый раз ненадолго останавливаясь. Буквы сложились в слова: «стыдно при дамах».

Дамы с превосходством воззрились на Женьку.

— Получил? — злорадно прищурилась Майка.

— С воспитанием у Москвичёва всегда были проблемы, — съязвила Ленка.

Но больше всех ликовал Петухов:

— Что, Москвич, лихо тебя Пушкин уел!

Женька хотел ответить колкостью, но его опередил Лёха:

— По-моему, блюдо кто-то двигает.

— Ничего подобного! — воскликнула Майка, уязвлённая его подозрением. — Кто его может двигать?

— Да кто угодно, — пожал плечами Потапов.

— Кроме твоего закадычного дружка, больше некому, — сказала Синицына и выразительно посмотрела на Женьку.

— Да я вообще ничего не делаю! Или, по-вашему, я сам себе ответил? — возмутился Женька.

Несправедливое обвинение ранило куда больше, чем если бы оно было заслуженным. И самое обидное, что он сидел, как приличный человек, и даже готов был поверить, что блюдо скользит само по себе. Но теперь он понял, в чём суть фокуса, и решил, что имеет полное моральное право взять роль медиума в свои руки.

Прерванный сеанс возобновили. Пришёл черёд Петухова задать вопрос.

— Выйдет наша сборная по футболу в полуфинал? — спросил он.

Блюдец понеслось по листу.

— Пэ... е... тэ... у... — по буквам читал Петухов и вдруг оживился: — Петухов! Прикиньте, откуда он меня знает?

Между тем блюдечко продолжало скольжение. Конец фразы рифмовался с началом: «Петухов — осёл ослов».

Женька расплылся в улыбке:

— Петух, теперь можешь хвалиться, что Пушкин про тебя стихи написал. Зацени величие момента.

Его шутку никто не поддержал. Ни у кого не возникло сомнения по поводу авторства вышеозначенного литературного опуса. Все с осуждением уставились на Москвичёва.

— А при чём тут я? — возмутился было Женька, но счёл благоразумным пойти на попятную: — Ладно, понял.

Новое послание с того света гласило: «Москвичёв ацтойный лашара».

Видимо, общение с современными шестиклассниками не прошло для поэта даром, потому что он вдруг стал отвечать с чудовищными орфографическими ошибками.

Дальше сеанс проходил в гробовом молчании. Сначала мятежный дух попеременно обзывал то Петухова, то Москвичёва, а потом с блюдцем и вовсе стало твориться нечто невообразимое. Оно шарахалось от буквы к букве безо всякого смысла. Майка была на грани истерики.

— Прекратите сейчас же! — крикнула она.

Непримиримые враги изменили тактику. Не имея возможности обмениваться посланиями через духов, они принялись награждать друг друга пинками и тычками под столом. Назревала потасовка.

— Мальчики, перестаньте! — пыталась утихомирить их Ленка, но противоборствующие

стороны были глухи к гласу разума.

В рукопашном бою Петухов одолел бы Москвичёва одной левой, но стоящий между ними стол лишал его этой возможности. Наконец Петухов не выдержал, взревел и через стол бросился на обидчика.

Женька вскочил, перевернув при этом стул, и метнулся в сторону. Преданный Лёха бросился на защиту друга. Девчонки завизжали так, словно хотели ультразвуковой волной разнять драчунов.

В пылу битвы никто не обратил внимания, что подсвечник покачнулся и упал на пол. Мальчишки награждали друг друга тумачами, в то время как крошечный огонёк уцепился за штору и, набирая силу, пополз вверх.

Вдруг раздался счастливый детский голосок:

— Мама, смотли, костёл голит!

Драчуны замерли, как будто их разом отключили от блока питания.

В дверях стояла Майкина мама с Ванечкой. Малыш смеялся и хлопал в ладоши. Ввиду своей молодости он ещё не научился радоваться жизни. Остальные свидетели драматической картины его восторга не разделяли.

Пожар потушили на удивление быстро и по-деловому. К счастью, пострадала только занавеска да на обоях остался след копоти. Игнорируя законы гостеприимства, Майкина мама бесцеремонно выставила гостей за дверь. Однако самое худшее произошло потом. Увидев разрисованный лист ватмана, мама порвала его и выбросила в мусоропровод. Туда же полетели изъятые из письменного стола номера «Тайной силы» и книга по астрологии.

В этот трагический момент Майка вспомнила пророчество гороскопа: «„Рыбам“ нужно быть осмотрительнее в выборе деловых партнёров, иначе их ждут большие потери».

«Всё чистая правда», — подумала Майка, и на глаза у неё навернулись слёзы.

Любовь не вечна

Пережив бурный роман с Сеницыной, Женька Москвичёв понял, что он не создан для любви. Началось всё со дня святого Валентина. Четырнадцатого февраля школа как с ума сошла. Все посылали друг другу открытки и записки с сердечками. Понятное дело, Женька не остался в стороне от общественной жизни. Он подкинул «валентинку» на стол Сеницыной и решил, что на этом вопрос о Дне влюблённых закрыт. Он не ждал сюрпризов. Каково же было его удивление, когда он обнаружил у себя в парте картонное сердечко. Сначала Женька подумал, что кто-то ошибся адресом. В самом деле, какой дурак будет посылать ему «валентинки»? Однако надпись на сердечке говорила о том, что послание предназначалось именно ему. Посередине сердечка было аккуратно выведено: «Жене М».

Женька показал записку Лёхе.

— Интересно, кто это прикалывается? Если Петух, я ему дам в глаз. Тоже мне, юморист нашёлся. Сегодня что, первое апреля?

— А почему ты думаешь, что это Петухов? — спросил Лёха.

— Может, и не он, — со вздохом признал Женька. — Но кто?

У доброй половины одноклассников были основания разыграть Москвичёва. Женька оглядел класс и встретился взглядом с Сеницыной. Ленка покраснела и опустила глаза. Только тут он заметил на обратной стороне сердечка мелкую, едва приметную подпись «Лена С.».

Сердце у Женьки подпрыгнуло, а потом словно ухнуло в яму. Он даже представить не мог, что Ленка ему ответит взаимностью. Ей же полкласса «валентинки» посылали.

Догадку стоило проверить. Женька направился к Сеницыной. Ноги почему-то отказывались гнуться, а в горле пересохло. Его вдруг охватила такая робость, как будто он в жизни Ленку не дразнил, не дёргал за волосы, не бил учебником по башке — в общем, не вёл себя, как нормальный влюблённый человек.

— Лен, пойдём сегодня в кино. В «Октябре» новый мультик идёт. 3D, — сказал он и уже ожидал, что Ленка рассмеётся в ответ, но она тихо произнесла:

— Пойдём.

Это была победа! Женька ликовал. На следующей перемене он не удержался и подошёл к Петухову.

— Слышь, Петух, мультик про динозавров не видел? Он прикольный или как? А то мы тут с Сеницыной в киношку собрались.

— Ты с Сеницыной? Не ври, — не поверил Петухов.

— Москвич если не натреплется, три дня больной ходит, — встрял в разговор Шмыгунов.

— Я вру? А это видели?

Женька гордо помахал перед носами ребят «валентинкой». Петухов присвистнул:

— Всё, конец котёнку. У Сеницыной от учёбы мозги поплыли. — Он покрутил пальцем у виска.

— Знаешь, Петух, ревность — чувство бесполезное. Если ревнуешь без причины — то ты дурак, а если есть причина, то поздно, Петя, кукарекать, на деревне спать легли, — сказал Женька и гордо удалился.

До конца уроков он ходил гоголем. В кинотеатре Женька проявил широту души и купил Сеницыной большую порцию поп-корна. Правда, он и сам изрядно угостился, в одиночку такую бадю всё равно не съесть.

Всю неделю Женька выказывал поистине рыцарскую щедрость: в буфете покупал даме сердца глазированные сырки, коржики и сок, а после школы провожал её до дома под завистливыми взглядами Петухова.

Женькину радость омрачало лишь одно: Вадик Груздев болел ангиной. Не то, чтобы Женька скорбел о том, что тот глотает микстуры и парится на ингаляциях. Нет, Женьку печалило другое: Груздев сидел дома и не знал, что получил отставку.

Идиллия продолжалась недолго. Скоро Женькина влюблённость пошла на убыль. Недаром говорят, надо учиться на классике. Вот и с Сеницыной получалось прямо как у классика: началось всё с разбитого корыта, а потом и столбовая дворянка — не вариант. Ленкины аппетиты росли не по дням, а по часам. На большой перемене в столовой она заявила:

— Жень, я хочу шоколадный батончик.

Женьку так и подмывало сказать, что на халяву шоколадный батончик каждый хочет, но рядом стоял Петухов, поэтому Женька стиснул зубы и промолчал. Батончик он купил, но в душе зародилось сомнение, нужна ли ему любовь.

После школы оказалось, что Синицына взяла из живого уголка кролика на время, пока ремонтируют и обновляют вольер.

— Лен, тебе помочь? — галантно предложил Петухов.

В этот миг Женька проникся к Петухову искренней симпатией. Он уже собирался тихо ретироваться и позволить однокласснику проявить себя, но Ленка отказалась:

— Спасибо, мне Женя поможет.

Женьке ничего не оставалось, как навьючиться двумя портфелями и клеткой. Он как ишак, хуже, — как самый тупой из ослов — потащил поклажу к Ленке. По дороге к Ленкиному дому Женька понял, что любовь — штука тяжёлая, и что он окончательно и бесповоротно разлюбил Синицыну.

В этот день он не болтал с ней в чате, а как в старые добрые времена вышел гулять во двор. Верный друг Лёха был уже там.

— Мой тебе совет, Лёха, не влюбляйся. Ничего в этом хорошего нет. Одни неприятности, — с видом бывалого человека напутствовал его Женька.

На следующий день на переменах неверный возлюбленный нарочно избегал бывшей дамы сердца, а после уроков поспешил улизнуть из класса, чтобы она опять не заарканила его тащить портфель.

Прошло несколько дней «без божества, без вдохновенья...». Первое время Синицына дулась, но Женьку это не трогало: ушла любовь — завяли помидоры. Зато он почувствовал вкус свободы. Женька уже думать забыл про Синицыну, когда Ленка коварно нанесла ему удар прямо в сердце.

— Девчонки, Вадик Груздев такое печенье печёт! Пальчики оближешь, — громогласно заявила она перед уроком английского.

— Да ты что?

А откуда ты знаешь? — любопытствовала Майка.

— Я вчера у него в гостях пробовала. Правду говорят: талантливый человек талантлив во всём. Не то, что некоторые недоумки: корчат из себя невесть что, а сами — ноль без палочки.

Синицына выразительно посмотрела на Женьку. Тот едва не задохнулся от возмущения. Значит, как шоколадки есть и портфель таскать, так он был Женечкой, а теперь стал нолём без палочки? И вечно все в пример ставят этого Груздева. Подумаешь, вундеркинд! Только и умеет, что на пианино брэнчать, ладно бы хиты, а то нудятину всякую.

— Тоже мне, талант, — презрительно усмехнулся Женька. — Смешал муку, яйца и молоко и лепи себе. Это каждый дурак может.

— Каждый дурак языком болтает. Если у тебя руки не из того места растут, так уж молчи, — съязвила Синицына.

— Это у меня руки не оттуда растут?! Я должен молчать?! — воскликнул Женька в праведном гневе. — Да я не хуже него печенье испеку!

— Трепло, — бросила Синицына.

— Хвастун, — поддакнула Майка.

— Ага, первое место по вранью, — засмеялся Петухов, а Шмыга тихонько подхихикнул.

Такая солидарность одноклассников обескуражила Женьку. Он решил во что бы то ни стало доказать им, чего стоит. А главное, пусть Синицына видит, кто тут талантливый и на кого она его променяла. Женька в сердцах воскликнул:

— Ах, так! Хорошо. Завтра приходите ко мне. Сами увидите.

В этот момент он был твёрдо уверен, что сможет блеснуть искусством кондитера не хуже шеф-повара самого престижного ресторана. Изготовление печенья показалось ему задачей не достаточно масштабной, поэтому он добавил:

— Я торт испеку.

Поначалу Женька намеревался купить готовый корж, обмазать его сгущёнкой и украсить ягодами из варенья, но, поразмыслив, решил, что не станет пасовать перед каким-то Груздевым. У мамы было множество кулинарных книг, так что выбрать рецепт оказалось плёвым делом. Тесто они с Лёхой сделали на раз-два-три. Лёха сбивал миксером яйца, сахар и муку, а Женька, как заправский шеф-повар, командовал. Когда тесто приняло вид густой сметаны, Женька велел:

— Готово. Кончай сбивать.

Лёха вынул миксер из кастрюли, но тут оказалось, что прежде неплохо было бы его выключить. Огромные капли жидкого теста пулемётной очередью разлетелись по кухне.

— Ты что, сдурел? Вырубай! — вскричал Женька.

Лёха выключил ревуший агрегат, но поздно. Вся кухня была заляпана сладким тестом.

— Что я маме скажу? — Лёха провёл рукой по испачканной рубашке.

Что ты — идиот. Посмотри, во что ты кухню превратил! Давай оттирать, пока не застыло, — скомандовал Женька.

Они, как могли, выстирали рубахи и принялись за мытьё стен и кухонных шкафов. После генеральной уборки оказалось, что теста осталось на самом доньшке, так что пришлось замесить новую порцию. На это ушли все яйца и масло. Зато тесто получилось на славу. Оно густой волной лилось в форму, точь-в-точь как показывают в кулинарных программах по телевизору. Женька поставил противень в духовку и с удовлетворением сказал:

— Полдела сделано. Пошли видик смотреть.

— А за тортом следить не надо? — поинтересовался Лёха.

— А чего за ним следить? Не молоко, не убежит. Форма антипригарная. Всё под контролем, — успокоил его Женька.

За просмотром фильма они и опомниться не успели, как с кухни потянуло сдобным ароматом.

— Пора, — решил шеф-повар и нажал на кнопку паузы.

Торт поднялся и румяным куполом возвышался над противнем. От одного запаха можно было проглотить язык.

— Учись, пока я живой, — с гордостью сказал Женька.

Он достал торт из духовки, накрыл форму разделочной доской, как это делает мама, и разом перевернул её. Торт оказался на доске.

— Экстра класс! — самодовольно усмехнулся Женька.

Но радоваться было рано. Вместо того чтобы лежать, как положено, бисквит стал нахально расплываться по доске.

— Чего это его так корёжит? — спросил Лёха.

— Не пропёкся, — понял Женька.

Коварный бисквит в самом деле зарумянился только сверху, а внутри оставался сырым и липким.

— Засовывай назад, — скомандовал шеф.

Задача оказалась не из лёгких. Однажды почувствовав свободу, торт отказывался ютиться в тесноте. Наконец кулинарам удалось кое-как соскрести его с доски и утрамбовать в форму. Правда, внешний вид коржа претерпел изменения не в лучшую сторону, но Женька философски заметил:

— Ничего, главное не вид, а вкус.

Друзья снова поставили бисквит в духовку. На этот раз шеф-повар проследил за тем, чтобы тесто хорошенько пропеклось. Когда сверху торт заметно потемнел, Женька вытащил его и снова проделал фокус с переворачиванием, но не тут-то было. Словно в отместку за то, что его дёргают туда-сюда, бисквит намертво засел в форме и ни за что не хотел выниматься.

— Это ведь антипригарная форма, — озадаченно заметил Лёха.

— Ты это тарту скажи. Прилип, вот гад! — возмутился Женька.

Они вдвоём перепробовали всё: переворачивали форму, стучали по доньшку, трясли и поливали водой. Наконец осталось последнее средство: отскрести бисквит ножом и ложкой выложить на тарелку. Получилась гора крошек и бисквитного лома.

— Говорил же, что ничего не выйдет, — вздохнул Лёха, но Женька не унывал.

— Кто сказал, не выйдет? Это как раз то, что надо. Не какой-нибудь старомодный бисквит, а настоящий «панчо». Доставай из холодильника банку с ананасами.

Самым трудным оказалось покрыть торт шоколадом. Глазурь застывала гораздо быстрее, чем кондитеры успевали её размазать. В кастрюле шоколада оставалось больше, чем на торте. Лёхе пришлось два раза сгонять в магазин за какао. Женькины сбережения таяли, но он не считал денег. На кону стояла его честь.

Наконец кулинарный шедевр был готов. Женька сам не ожидал от себя такого мастерства. Красуясь шоколадными боками, торт возлежал на блюде и прямо-таки просился на язык.

— Фирма! — с гордостью сказал Женька.

— Ага. Как в магазине, — похвалил Лёха.

До прихода гостей времени оставалось в обрез. Женька с Лёхой едва успели расставить чашки и заварить чай, как явились Сеницына и Майка. С ними объявился и Петухов. В другой раз Женька отпустил бы реплику по поводу нежданного гостя, но сегодня он предвкушал свой триумф и, как все победители, был щедр и великодушен.

За чаем все уписывали торт за обе щёки, но хоть бы кто похвалил. Ленка съела кусок, протянула руку за вторым и ни гу-гу, даже словом не обмолвилась. Нужно было иметь железные нервы, чтобы терпеть подобное измывательство. Наконец Женька не выдержал и как бы невзначай спросил:

— Ну и как тортик?

— Вкусный, — сказала скупая на похвалу Сеницына.

И только? Женьку такая оценка прямо взбесила. Как Груздев испёк какое-то дрянное печенье, так он талант, а тут торта два куска слопала — и ни слова благодарности.

— Да уж получше печенья, — буркнул Женька.

— Трепло ты, Москвичёв. Если врёшь, то ври хотя бы правдоподобно, — вдруг сказала Сеницына.

Поворот был более чем неожиданный. Женька так опешил, что потерял дар речи. Это что же получается: Груздев талант, а он трепло?

— То есть, как это я вру? Это что, по-твоему, не торт?! Может, ты думаешь, что тебе почудилось? — вознегодовал он.

— Ты же его не сам делал, — фыркнула Ленка.

— Как это не сам? Да я полдня у плиты торчал. Лёха, подтверди, — требовал справедливости Женька.

— Твой Лёха подтвердит, что ты марсианин, — скептически усмехнулась Сеницына.

— Вот именно. Потапову лишь бы тебя выгородить. Я такие торты в универсаме видела. «Панчо» называются, — вставила Майка, облизывая пальцы.

— Точно! С ананасами. Мама на праздник покупала, — подтвердил Петухов.

Женьке было обидно до слёз. Когда за гостями закрылась дверь, он посмотрел на пустое блюдо и сокрушённо сказал:

— Прикинь! Раз в жизни сделал всё сам своими руками, и хоть бы кто поверил! Нет, Лёха, честному человеку в этом лживом обществе делать нечего.

Большой секрет

Однажды задумал Бессмертный Кощей

Отметить стотысячный свой юбилей.

Позвал к именинному он пирогу
Горыныча Змея и Бабу-Ягу.
Кондитер испёк преогромный пирог,
Чтоб свечи на нём именинник зажжёт,
Устал и измаялся бедный Кощей:
Не шутка — расставить сто тысяч свечей!
Со счёта сбивался раз двадцать подряд,
Что праздник затеял, уже был не рад.
Пока над свечами бедняга корпел,
Пирог именинный совсем зачерствел.
Сказали Горыныч с Ягой: «Просто срам
Сухарь подавать вместо торта гостям!»
А мыши нашли злополучный пирог,
И всласть угостились они под шумок.
Кощей не на шутку тогда осерчал.
С тех пор день рожденья он не отмечал.
И, сколько Кощею Бессмертному лет,
Теперь неразгаданный вечный секрет.

Уникум

Как только по телевизору начинался турнир по теннису, папа прилипал к экрану. Женька не мог понять, что он в этом находит. Ладно бы ещё хорошо играли, а то, что ни подача — то в аут. То ли дело они с Лёхой. Когда в субботу в бадминтон жарились, так девяносто семь раз воланчик отбили, ни единожды не заронив. Ещё три удара, и была бы сотня.

— Тоже мне, чемпионы, — презрительно фыркнул Женька. — Мяч пару минут удержать не могут.

— Ты ничего не понимаешь. Суть не в этом. Посмотри, какая красивая подача! Это же песня, а не игра, — сказал папа, не отрываясь от экрана.

Песня оборвалась, едва начавшись. Мяч снова улетел за боковую линию.

— Садись, посмотрим вместе, — предложил папа.

Откровенно говоря, у Женьки были дела поинтереснее, чем пялиться, как двое мужчин машут ракетками не в силах хотя бы пять минут пасовать друг другу, не упустив мяча. Но чтобы сделать отцу приятное, он сел рядом.

Сначала Женьке было безразлично, кто победит, но папа болел так страстно, что его энтузиазм заражал, и Женька сам незаметно увлёкся. Когда завершился последний сет и победил игрок, за которого они совместно болели, папа сказал:

— Это стоит отметить. Пойдём-ка, сын, купим по такому случаю мороженое.

— Большую банку? — тотчас оживился Женька.

— Самую большую, — пообещал папа.

Теннис начинал Женьке нравиться.

Они сидели на кухне и уплетали мороженое, когда мама вернулась из спа-салона.

— По какому случаю пируем?

— Вот, приобщаю сына к спорту. Сегодня вместе смотрели теннис.

— Отличный спорт — на диване сидеть, — усмехнулась мама. — Лучше б ты его в какую-нибудь секцию записал. А то целый день за компьютером торчит, уже скрючился весь.

— А что? Это мысль! Обучим Женьку играть в теннис. Будет за кого болеть. А, сын? — папа заговорщически подмигнул Женьке.

Обычно такие разговоры ни к чему не приводили, поэтому Женька не возражал. Как и следовало ожидать, с окончанием турнира про теннис все забыли. Прошёл месяц. Неприятность свалилась на Женьку, когда он меньше всего ожидал, в день рождения.

Женька долго готовил родителей к этому событию. Он так часто упоминал о том, что появилась новая 3D-компьютерная игра, что, казалось, у родителей в подсознании должно было отложиться, какой подарок ему купить. Но не тут-то было.

Утром папа с мамой торжественно вошли в Женькину комнату, пока тот ещё нежился в постели. Женька уже собирался закричать «ура!» и броситься к компу, чтобы проверить, как заводится игра, и оценить совершенство трёхмерной графики, когда ему вдруг вручили теннисную ракетку.

— Что это? — спросил Женька таким тоном, как будто надеялся, что в футляре окажется замаскированная под ракетку коробка с игрой.

Как и следовало ожидать, родители не прибежали к столь изощрённой конспирации.

— Мы тебя записали на теннис к очень хорошему тренеру, — весело объявила мама.

— Научишься играть. Воплотишь в жизнь мою мечту, — добавил отец.

Женька предпочёл бы, чтобы родители воплотили в жизнь его мечту.

— Ты не рад? — спросила мама, заметив удручённый вид сына.

— Я думал, вы мне подарите новую игру, — признался Женька.

— У тебя уже целая полка этих игр.

— Отстой. Они же не в 3D.

— Хватит ломать глаза за компьютером. Пора заняться чем-то полезным, — сказала мама.

— Теннис — игра аристократов. Это тебе не дурака валять, — поддержал её папа и радостно объявил: — Сегодня у тебя первая тренировка.

День рождения был испорчен окончательно и бесповоротно. Родители вдвоём повели Женьку на корт. Начинающий спортсмен плёлся в спортивную школу, как приговорённый на Голгофу. Никакие уговоры и доводы, что он предпочёл бы начать заниматься со следующей недели, не помогали. Папа уже видел в нём будущего чемпиона, и Женьке пришлось смириться.

Родители передали его тренеру, и пытка началась. Только теперь Женька понял, насколько трудно сделать хорошую подачу. Нехорошую подачу тоже было сделать нелегко. Ракетка, хоть тресни, отказывалась попадать по мячу. Вот когда до Женьки дошёл смысл фразы «правая рука не знает, что делает левая». Пока он держал готовый к подаче мяч в левой руке, правая выписывала ракеткой такие кренделя, что попасть по мячу было просто нереально.

Убедившись, что с подачей у Женьки полный конфуз, тренер поставил его к стенке. Нет, не в том смысле, что списал в расход, а попросту заставил колотить мячом об стену. Эта задача оказалась ещё тяжелее. Стена, будто в насмешку, норовила отбить мяч так, чтобы Женька не попал по нему ракеткой. Он умаялся метаться из стороны в сторону, вспотел и по-настоящему зауважал спортсменов. Худо-бедно, а они всё же умудрялись отбить мяч два-три раза кряду. Наконец издевательство закончилось. Тренер покачал головой:

— Да, друг, через меня многие прошли, но такого, как ты, я вижу впервые. Чтоб у человека настолько отсутствовала координация! Как ты ещё умудряешься ходить и ложку ко рту подносить. Прямо уникам какой-то.

Дома мама достала из сумки насквозь потную майку и с удовлетворением сказала:

— Вижу, спорт тебе пошёл на пользу. Хорошо потренировался?

Женька решил оставить этот глупый вопрос без ответа, но в разговор вступил папа:

— Доложи, как успехи.

— Нормально, — нехотя буркнул Женька.

У него не было настроения вдаваться в подробности, но папа не унимался:

— А тренер что говорит?

— Что я уникам.

— Я сразу понял, что тебя надо отдавать на теннис! — обрадовался папа. — Ты у нас ещё станешь золотой ракеткой. Будем тебя по телевизору смотреть.

Женька в этом сильно сомневался, но не стал разуверять папу. Взрослым тоже надо помечтать, в Деда Мороза-то они уже не верят.

На следующую тренировку Женька отправился сам. Всю дорогу до спортивной школы он раздумывал, не стоит ли ему сачкануть и провести время с большей пользой, но решил не рисковать. Родители бдили.

На корте он увидел знакомое лицо. Стас Смирнов учился в десятом классе, но был уже кандидатом в мастера спорта. На всероссийском турнире по теннису он взял серебряную медаль, после чего на торжественной линейке сам директор школы жал ему руку.

Тренер снова поставил новичка бить мячом в стену, но Женьке было не до того. Ему представилась возможность познакомиться с самим Смирновым, и упустить её было бы непростительно.

— А можно я немножко посмотрю? — попросил Женька, после нескольких тщетных попыток попасть по мячу.

— Что ж, посмотри. Может, тебе это пойдёт на пользу, — согласился тренер.

Женька встал возле корта. Когда мяч улетел в аут, Женька тотчас подсуетился и принёс его школьному кумиру.

— Спасибо, — Стас улыбнулся нежданному помощнику.

Женька просиял в ответ. Всю тренировку он таскал мячи, а в конце Стас спросил:

— Тебя как зовут?

— Женька. Мы с тобой в одной школе учимся, — сообщил Женька, вытянувшись в струнку, как солдат перед главнокомандующим.

— Значит, увидимся, — сказал Стас.

Женька вернулся домой окрылённый. Кому сказать: сам Стас Смирнов теперь у него в знакомых. Вытащив из сумки футболку, мама снова порадовалась, что сын тренировался до седьмого пота.

— Кажется, ты начинаешь входить во вкус? — улыбнулась она.

— Спорт — великое дело, — ответил Женька.

Он шёл на очередную тренировку, когда из соседнего подъезда вышли Майка и Ленка Сеницына. Увидев в руках Женьки ракетку, Майка спросила:

— Москвичёв, что это у тебя?

— Теннисная ракетка, тундра. Или у вас в захолустье про такую игру не слышали?

— А тебе-то она зачем? — усмехнулась Майка.

— Понятное дело, не мух бить.

На тренировку иду, — гордо объявил Женька.

— Ты?! На тренировку?! Насмешил. Тебе по физре «четвёрку» ставят только из жалости, потому что ты по другим предметам отличник, — презрительно фыркнула Сеницына.

Ничто так не обижает, как правда. Слова Сеницыной резанули Женьку по живому.

— Смеётся тот, кто смеётся последним, — заявил он. — Знаешь, что про меня тренер сказал?

— Ну?

Девчонки выжидающе уставились на него.

— Цитирую дословно: «Такого, как ты, я вижу впервые. Ты прямо уникам». Понятно? — похвалился Женька.

— Так ты что, правда играешь?

— А то! Ладно, девчонки, не задерживайте, меня Стас Смирнов ждёт.

— Врёшь, — не поверила Майка.

— Если бы вы знали, как я устал от недоверия, — голосом человека, познавшего все тяготы жизни, произнёс Женька. — Я не буду ничего доказывать. Я выше этого.

Он гордо удалился, чувствуя, как девчонки сверлят взглядами его спину.

Тренировки выматывали. Зато в спортивной школе Женька окреп физически. Таскать мячи приходилось без передышки. Он так в этом поднаторел, что даже перестал сильно потеть. Иной раз Женька подумывал о том, что пора бросить это бессмысленное занятие, однако радость и надежды родителей удерживали его от опрометчивого шага. В школе к его занятию спортом по-прежнему относились с недоверием, но однажды всё изменилось.

Как-то на перемене Стас проходил мимо их класса и, заметив Женьку, кивнул:

— Привет. Сегодня придёшь?

— Постараюсь, — как можно безразличнее ответил Женька, боковым зрением подмечая, что на одноклассников напал столбняк.

— Давай, а то нам тебя не хватает, — улыбнулся Стас и пошёл дальше.

Все молча уставились на Женьку.

— Ну ты даёшь! — протянул Петухов.

— Так ты тренируешься со Смирновым? — спросила Синицына.

— А что тут такого? Через пару недель отборочные соревнования во Дворце спорта, а потом в Киев поедем, — небрежно заявил Женька.

— Вот бы посмотреть, — мечтательно сказала Ленка.

— Ничего не получится. На соревнования посторонним вход закрыт.

— Получится, — неожиданно встрял в разговор Шмыга. — У меня там мать уборщицей работает и нас проведёт.

Сообщение было встречено всеобщим ликованием, только Женьке было не до веселья.

— Ну и что будешь делать? — спросил его по дороге домой Лёха, который был в курсе «успехов» друга.

— Что-нибудь придумаю. Мало ли почему человек не участвует в соревнованиях. Может, я руку сломал.

— А по-моему, лучше честно признаться.

— Знаешь, Лёха, бывают моменты, когда правда не катит.

— Чего? — не понял Лёха.

— Про ложь во спасение слышал?

— Не, ложь тебя не спасёт, — помотал головой Лёха. — Всё равно всё вылезет наружу.

День соревнований неумолимо приближался. Шмыгунов радостно сообщил, что мама обещала провести ребят, но не больше шести человек. Свидетелей вполне хватит, чтобы разоблачить и окончательно опозорить Женьку. Незадачливый спортсмен лихорадочно соображал, что предпринять, но единственное, что приходило в голову, это притвориться, что у него сломана рука. Он даже подумал, не возобновить ли в срочном порядке тренировки возле стенки, но тут же отнёс эту идею. Сколько мячом ни стучи, а на соревнования ему не попасть.

На тренировке Женька так задумался, что, когда бежал за очередным мячом для Стаса, поскользнулся. Падая, он выставил руку и приземлился прямо на неё. Его пронзила острая боль.

Когда вечером Лёха зашёл к другу и увидел того с рукой на перевязи, он с восхищением присвистнул:

— Ну ты даёшь! Гипс как натуральный.

— Он и есть натуральный. Перелом в двух местах. Хорошо, что без смещения, — мрачно заметил Женька.

— Так ты что, в самом деле руку сломал? — удивился Лёха.

Женька промолчал, понуро опустив голову. Слова были излишни.

На следующий день Женька явился в школу в гипсе. Его перелом тотчас стал новостью дня. Девчонки обступили несостоявшегося чемпиона.

— И как же ты теперь? — всплеснула руками Майка.

Женька пожал плечами.

— Как, как! Соревнования отменяются.

— Очень расстроился? — участливо поинтересовалась Ленка Синицына.

— А ты как думала? — уклончиво ответил он.

— Ничего, это не последнее соревнование. Снимут гипс, и опять будешь играть, — успокоила его Ленка.

Женька помолчал, а потом тяжело вздохнул:

— Нет, я с теннисом завязал. — Он многозначительно кивнул на сломанную руку и добавил:

— Большой спорт калечит людей.

Отличники

История получалась неутешительная. Лёха переминался у доски. Очевидно, сказать ему

было нечего.

— Я учил, — обречённо промямлил он, глядя в пол.

Он уже предвидел, какую взбучку задаст отец за очередную «двойку», а тут ещё учительница, вместо того, чтобы просто поставить «двойку» и отпустить его с миром, измывается.

— Замечательно! — воскликнула она, сияя улыбкой, как на рекламе «Блендамеда».

Лёха знал наизусть, что последует дальше: «А теперь поделись тем, что ты выучил». Он уже приготовился безропотно выносить глумление над своей личностью, как вдруг Василиса Тихоновна сказала нечто совсем неожиданное:

— Всегда бы так, Потапов! «Пятёрка».

Лёха подумал, что ослышался. Впрочем, в этом он был не одинок. Весь класс замер и в немом удивлении уставился на учительницу. Но тут у Лёхи начались ещё и зрительные галлюцинации. Он собственными глазами увидел, как Василиса Тихоновна вывела в журнале напротив его фамилии жирную «пятёрку».

— Что же ты стоишь? Неси дневник, — велела она.

Лёха остолбенел. Он до боли ущипнул себя, чтобы удостовериться, что не спит, но даже после этого поверить в реальность происходящего было трудно.словно в трансе, он принёс дневник и вернулся на своё место.

— Ничего себе! За что Потапову «пятёрка»? — выкрикнула со своего места Майка.

«Вот тут-то я и проснусь», — подумал Лёха. Ан нет, безумие продолжалось.

— Как за что? Он же учил, — вступилась за него Василиса Тихоновна.

— Может, я тоже учила, — недовольно буркнула себе под нос Майка. Вот вредина! Никогда не может порадоваться чужому счастью. Но историчка быстро поставила её на место:

— Ты хочешь пойти к доске?

Майка поняла, что перегнула палку, и пошла на попятную:

— Нет, я просто так сказала.

— Очень жаль. В таком случае выше «четвёрки» ты не заслужила. Давай дневничок, — произнесла Василиса Тихоновна.

Ошеломлённые шестиклассники во все глаза смотрели на учительницу. С той явно творилось что-то неладное.

— Или влюбилась, или сошла с ума, — шёпотом сказала Синицына.

— Какое «влюбилась»! Ей же уже за тридцать, — возразил её сосед по парте Петухов.

Василиса Тихоновна будто не замечала замешательства класса. Она одарила всех улыбкой и спросила:

— Ну что, есть добровольцы?

В классе воцарилась такая тишина: моль услышишь, если бы ей вздумалось хлопать здесь крыльями.

— А, была не была, — решил двоечник Шмыгунов и робко поднял руку.

— Шмыгунов? Прекрасно, — обрадовалась Василиса Тихоновна.

От её жизнерадостности и от собственной смелости у Шмыгунова спазмом свело желудок. Он уже хотел сделать вид, что поднял руку просто так, чтобы почесать за ухом, но учительница уже начала его пытаться:

— Скажи-ка тему сегодняшнего урока.

Шмыгунов по привычке обвёл класс взглядом в надежде на подсказку, но тут увидел надпись на доске, и его осенило.

— Отмена крепостного права? — то ли ответил, то ли спросил он, но историчку не смутила его неуверенность. Она радостно воскликнула:

— Прекрасно! Восхитительно! «Пятёрка»!

— Точно сошла с ума, — шёпотом прокомментировал Петухов.

Не успел ошарашенный Шмыгунов вернуться на своё место, как над классом взметнулся лес рук. Такого количества страждущих пойти к доске школа ещё не видела. Но, к несчастью, прозвенел звонок.

Настроение у Василисы Тихоновны было прекрасное, как и подобало в такой чудный, весенний день.

Вернувшись в учительскую, она достала мобильный телефон и набрала знакомый номер.

— Спасибо за ручку, которую ты мне подарил к сегодняшнему празднику.

— Понравилась? — поинтересовался мужской голос в трубке.

— Не то слово! Она мне очень пригодилась.

Василиса Тихоновна взяла в руки открытку, на которой было аккуратно выведено: «Поздравляю с первым апреля!». Надпись побледнела, а потом исчезла без следа.

Веселое турне

Весёлый путешественник

отправился в турне.

«Билетик до Искании

скорей продайте мне!

Всерьёз я приключения

намерился искать».

Ему в ответ: «Искании

на карте не сыскать».

Он попросил: «До Вранции
продайте мне билет».
И услышал: «На глобусе
страны подобной нет».
Сказал он: «До Леталии
тогда я полечу.
Я чувствую, в Леталии
летать мне по плечу».
Кассир опять, насупившись,
качает головой:
«Страну с таким названием
встречаю я впервой».
Весёлый путешественник
был очень огорчён.
Играючи, в Игрландию
попасть собрался он.
Но только, к сожалению,
и тут ему отказ.
Чтоб выбрать направление
он бился целый час.
На турбюро негодное
потом махнул рукой
И гордо на автобусе
отправился домой.

Рюкзак

Школьный качок по прозвищу Конан был личностью известной. Все, начиная с первоклашек и кончая старшеклассниками, знали, что от него лучше держаться подальше. Конечно, если тебе присущ инстинкт самосохранения. У Женьки Москвичёва с инстинктом было всё в порядке.

А после неудачной попытки стать экстрасенсом, в которой Женька отвёл Конану незавидную роль вышибалы, у несостоявшегося целителя были все основания обходить того стороной. До поры до времени это ему удавалось, но, как говорится, мир тесен.

В один из тёплых весенних дней, когда всё живое тянется к солнцу, Женька потерял бдительность. На большой перемене любители свежего воздуха подались во двор. Женька наскоро выпил в столовой компот и тоже устремился на улицу, где его поджидал закадычный друг Лёха.

Жизнь складывалась прекрасно. Была пятница, конец рабочей недели. До летних каникул оставалось меньше месяца. От избытка чувств Женька разогнался и, точно по льду, заскользил по натёртому до блеска полу. Он не ведал, что судьба уготовила ему коварный удар.

Стоило ему ласточкой выпорхнуть из коридора в холл, как он со всего размаха налетел на Конана. Тот от неожиданности покачулся, но устоял. Зато Женька отлетел в сторону, как «Фольксваген-жучок» от лобового столкновения с джипом «Чероки». Отлепившись от кадки с пальмой, Москвичёв увидел, что над ним возвышается гроза школы. От прилива адреналина ноги у Женьки стали ватными. Во рту пересохло.

Конан схватил его за плечи и хорошенько встряхнул.

— Ну ты, шпанёнок. Глазками-то моргай, когда несёшься. Правила дорожного движения знаешь?

— П-прости. Я нечаянно, — пролепетал Женька.

— За нечаянно бьют отчаянно, — усмехнулся Конан и взглянул на Женьку нехорошим, пристальным взглядом.

«Сейчас треснет», — подумал Женька и инстинктивно втянул голову в плечи. Впрочем, подумаешь, оплеуха, главное, чтобы Конан не вспомнил его былые «заслуги». Однако память Конана не подвела.

— Ха, экстрасенс! — воскликнул он.

Женька понял, что окончательно влип. Душа у него ушла в пятки, но Конан неожиданно расплылся в улыбке.

— А ты клёво тогда придумал. Я ржал, как конь резаный. Так что, если чего, приходи, — благодушно предложил он и заговорщически подмигнул, — и пиво приноси.

— Ага, — кивнул Женька, всё ещё не веря своему счастливому спасению.

Конан хлопнул его по плечу и попросил:

— Слышь, будь другом, оттащи сак на третий этаж в химию. А я пойду, курну.

— Будь спок! — просиял Женька и с готовностью схватил рюкзак.

Фортуна снова улыбалась ему. В ушах песней звучал голос Конана: «Будь другом». Женьку распирало от гордости. Что и говорить, не каждому удаётся быть на дружеской ноге с самим Конаном.

Он осмотрел рюкзак и с восторгом прищёлкнул языком. Это была вещь! Чёрный, с черепушкой, нарисованной белой люминесцентной краской, и толстой цепью. Наверняка из магазина для металлистов.

Женька давно мечтал о таком, но мама покупала ему какую-то малышнёвскую дребедень в «Детском мире». Взрослым часто недостаёт вкуса.

Накинув рюкзак на плечо, Женька сразу почувствовал себя крутым парнем. Жалко, что его не видела Ленка Синицына или на худой конец сплетница Майка. Было бы здорово невзначай бросить: «Конан по дружбе дал поносить».

С этой мыслью Женька решил заглянуть в свой класс. Как назло все ребята были либо на улице, либо в столовой. За задней партой одиноко сидел Петухов и с удовольствием поглощал здоровенный бутерброд, запивая его пепси-колой.

Его взгляд безо всякого интереса скользнул по Женьке, но при виде рюкзака с черепом Петухов едва не поперхнулся. Он перестал жевать и восхищённо произнёс:

— Клёвая штука!

— А то! — заважничал Женька. Он хотел вернуть про дружбу с Конаном, но Петухов его опередил:

— Только тебе, Москвич, он как корове седло. Чё, в носильщики подвязался?

Его уничижительный тон так уязвил Женьку, что он, не подумавши, брякнул:

— Завянь, Петух. Это мой рюкзак.

Однако Петухов был тёртый калач. Такого на мякине не проведёшь. Вместо того чтобы изумиться, он лишь презрительно фыркнул:

— Ой, ща от смеха икать начну. Крутизна под микроскопом.

— Тебе просто завидно, — вскинулся Женька. — Тебе же портфель в «Детском мире» покупали. Что у тебя там на картинке, Майти Маус или Дональд Дак?

— Вот у тебя сейчас Дональд Дак в глазах запляшет, — набычился Петухов, встал с места и поднёс Женьке к носу увесистый «аргумент».

В прежние времена Женька не стал бы испытывать судьбу, но, имея другом Конана, он мог себе позволить некоторую вольность.

— Не горячись, Петух. Придёт время, и ты дорастёшь до взрослых вещей, — сказал он и покровительственно похлопал Петухова по плечу.

Петухов, который привык к тому, что его «аргумент» действует безотказно, настолько опешил, что так и застыл с поднятым кулаком. Женька направился к своей парте. Полутора извилин у Петухова в голове хватило на то, чтобы сообразить, что его унизили. Он ринулся за Женькой, схватил его за плечо, развернул к себе и грозно спросил:

— Ты чё, крутого из себя корчишь?

— Слышь, Петух, не кукарекай, — лениво отмахнулся от него Женька.

Это было последней каплей. Петухов сорвал рюкзак с плеча Женьки и с видом «попробуй — отними» спрятал за спину.

— Отдай! — крикнул Женька.

— Возьми, если сумеешь, — усмехнулся Петухов.

Женька бросился за рюкзаком. Петухов проворно вскочил на стул, потом на стол и побежал, перепрыгивая с парты на парту. Лавируя между стульями, Женька бросился в погоню, но не тут-то было. Наверху было куда больше вариантов для манёвра.

— Давай, Москвич, поднатужься. Развивай скорость! — подзадорил Женьку Петухов и перескочил на другой ряд.

И тут фортуна повернулась к Петухову задом, к Женьке передом. Петух оступись и с грохотом свалился в проход между рядами.

— Допрыгался, — не без злорадства сказал Женька. — Бог шельму метит. Замри и не отвечивай.

Он подошёл к поверженному противнику и нагнулся за рюкзаком, но бойцовский дух не позволил Петухову покорно принять поражение. Прежде чем Женька успел поднять рюкзак, Петухов изловчился и метнул его в раскрытое окно.

— Идиот! — в ужасе выкрикнул Женька и бросился к окну.

Не хватало ещё, чтобы рюкзак свалится кому-нибудь на голову! Глянув вниз, Женька сразу же оценил всю величину своего везения. Рюкзак не упал на землю. Он зацепился за ветку и завис на уровне второго этажа. А под деревом, точнёхонько под рюкзаком, стоял Конан с друзьями и мирно курил.

Женька посмотрел на Петухова и мрачно произнёс:

— Всё, Петух. Тебе конец.

— Что, бить будешь? — издевательски хохотнул Петухов.

— Не я. Ты знаешь, чей это рюкзак?

— Ну? — спросил Петухов.

— Конана.

— Прикальываешься? — Петухов враз посерьёзшел.

— Больно надо!

— Но ты же сказал, что он твой.

— Я сказал? Кто-нибудь слышал, что я говорил, будто это мой рюкзак? Есть свидетели? — спросил Женька так, будто был прокурором в зале суда.

Он картинным жестом обвёл пустой класс. Петухов не отличался живостью ума, однако иногда и на него снисходило озарение. На этот раз он живо сообразил, что отсутствие свидетелей может сыграть ему на руку.

— А я вообще не знаю ни про какой рюкзак. В глаза не видел. Конан его тебе дал, вот ты за него и отвечай.

Петухов прихватил пепси и демонстративно вышел из класса.

— Стой! Я всё Конану скажу, — крикнул ему вдогонку Женька.

— Попробуй, — Петухов пригрозил кулаком и добавил: — Ну, Москвич, ты попал!

Женька оказался между молотом и наковальней. Конан не станет разбираться, кто прав, кто виноват, и точно ему наkostenяет, да ещё Петух добавит за ябедничество. Выхода не оставалось: нужно было во что бы то ни стало достать рюкзак. Первое, что приходило на ум, — сбить его, но самое простое решение не всегда бывает самым верным. Исполнять этот трюк при Конане было опасно для жизни.

Пока Женька рассуждал, как выкрутиться, в класс стали возвращаться ребята. Лёха с порога поинтересовался:

— Женька, ты чего на улицу не вышел? Я тебя заждался.

— А он завещание пишет, — гоготнул вошедший следом Петухов и обратился к Женьке: — Ну чё, Москвич, ты ещё живой? А я думал, ты уже того.

Он обвёл рукой вокруг шеи, свесил голову набок и высунул язык, изображая повешенного.

— А чего такое? — заинтересовался Шмыгунов.

— А ты выгляни в окошко. Посмотри, что Москвич с портфелем Конана учудил, — сказал Петухов.

Любопытство погнало к окну всех собравшихся. При виде рюкзака, зависшего над ничего не подозревающим хозяином, даже самые отчаянные оценили серьёзность ситуации. Черепушка на рюкзаке издевательски скапилась, навевая нехорошие мысли.

— Ничего себе, — выдохнула Майка.

— Ну ты даёшь, — понуро проговорил Лёха, а Шмыгунов с некоторым злорадством добавил:

— Москвич, ты труп.

— Зачем ты это сделал? — спросила Ленка Сеницына.

— Это ты у него спроси! Всё из-за него! — Женька со злостью уставился на истинного виновника происшествия, но вероломный Петухов лениво пожал плечами.

— А я тут при чём, если у тебя башню снесло? — Петухов повертел пальцем у виска. — Братва, а может, Москвич маньяк? На него как накатит, он рюкзаки в окошки швыряет.

В этот момент на Женьку в самом деле накатило. Невзирая на разницу в весовых категориях, он бросился на Петухова. Быть бы Москвичёву битым, если бы не Сеницына.

Ленка встала между мальчишками и строго прикрикнула:

— Перестаньте! Только драки не хватало. Сначала надо вызволить рюкзак.

— Как?! — в отчаянии воскликнул Женька, которому впервые изменила изобретательность.

— Он висит не так уж высоко. Конану его достать — пара пустяков. По-моему, надо пойти и во всём сознаться, — сказала правильная Сеницына.

От такого совета Женька аж поперхнулся.

— Ты что? Меня же Конан убьёт.

— Одним придурком на свете будет меньше, — хмыкнула Майка.

— Вы моей смерти хотите, да? Хорошо, пускай меня не будет! Пусть всем будет лучше! —

трагически выкрикнул Женька.

Но Сеницына совершенно буднично прервала его тираду:

— Москвичёв, хватит корчить из себя недоумка. Ты думаешь, будет лучше, если Конан придёт в кабинет и не найдёт своего рюкзака? А чистосердечное признание...

— Равно самоубийству, — загробным голосом закончил Женька.

Впрочем, предложение Сеницыной навело его на мысль.

— Мы рюкзак сами достанем, — с воодушевлением сказал он.

— Это у Конана два метра роста, а ты упрыгаешься, прежде чем дотянешься, — недоверчиво покачала головой Сеницына.

— А зачем мне прыгать? Меня Лёха подсадит. Главное, отвлечь Конана. — Женька обернулся к Шмыгунову и торжественно произнёс: — Шмыга, будешь послом доброй воли.

— Я?! — опешил щуплый Шмыгунов. — Нашёл дурака. Я по доброй воле к Конану не пойду.

— «Сникерс», — предложил Женька.

— Последнюю версию Hero Quest, — не стал размениваться по мелочам Шмыгунов.

Женька остолбенел от такой вопиющей алчности.

— Ты случаем не рехнулся? — спросил он.

— Не-а. Это ж не я рюкзак Конана на дерево закинул, — нахально заявил Шмыгунов.

Женька понял, что деваться ему некуда, и нехотя кивнул:

— Ладно, грабитель.

Довольный сделкой, Шмыгунов отправился во двор. Он уже предвкушал, как погрузится в виртуальные приключения, но увидел Конана, и решимость покинула его. Ноги сами собой замедлили шаг. Он задрал голову. В окне третьего этажа сгрудились одноклассники и следили за ходом событий. В Шмыгунове боролись страстное желание получить игру и панический страх перед Конаном. Он сделал ещё несколько шагов к старшеклассникам и снова остановился. Когда до Конана осталась пара метров, Шмыгунову окончательно расхотелось играть в новый Quest. Он уже собирался повернуть назад, но тут его окликнул Конан.

— Эй, пацан, ты чего там топчешься?

Шмыгунов сглотнул и единым духом выпалил:

— Конан, мы тут с ребятами поспорили. Я говорю, что ты на это дерево залезешь, а они говорят, нет.

Задним умом Шмыгунов понял, что брякнул что-то не то. Если Конан посмотрит вверх и увидит рюкзак, его гнев обрушится на крайнего. И крайним окажется он. В голове всплыл рассказ учительницы истории про участь послов, приносивших в былые времена дурные вести.

Конан щелчком отбросил окурок и осклабился:

— А чего я там не видал, на дереве?

Шмыгунов благоразумно оставил этот вопрос без ответа.

— Проиграл ты, пацан, — продолжал Конан, отвесил Шмыге подзатыльник и, дав понять, что разговор окончен, снова повернулся к своим друзьям.

Не искушая судьбу, Шмыгунов зайцем бросился в школу.

— Ну что же ты! — с упрёком встретил его Женька.

— Не уговорил, — развёл руками Шмыгунов.

Перемена подходила к концу, и тут удача снова улыбнулась Женьке. Синицына крикнула:

— Ребята! Конан ушёл!

— Бежим! Скорей! — скомандовал Женька Лёхе, прихватил швабру, и они опрометью бросились из класса.

Перескакивая через две ступеньки, друзья сбежали вниз и выскочили из школы. Рюкзака на ветке не было. Возле дерева толпилась мелюзга из продлёнки и что-то оживлённо обсуждала.

— Эй, мальки, что случилось? — спросил Женька.

— Из окна кто-то сумку выкинул.

— И где она? — живо заинтересовался Женька.

— Её Надежда Викторовна унесла, — сказала румяная, щекастая первоклашка, а её бледнолицая подружка захлёб подхватила:

— Она Илюше Мальцеву по голове попала. Его к врачу повели. У него прямо шишка вскочила. Теперь к директору вызовут того, кто сумки бросает. Ох и влетит же ему!

— А откуда они узнают, кто её бросил? — пожал плечами Женька.

— Так там же на тетрадках написано, — сказала щекастая, удивляясь Женькиной недогадливости.

В этот миг Женька Москвичёв понял, что пришёл его последний час. Раздался звонок.

На следующей перемене Женька предусмотрительно не высовывал носа в коридор, но это его не спасло. В класс вбежал Шмыгунов и крикнул:

— Атас! Конан!

— Меня в школе нет, — пискнул Женька и стёк под парту. Он бы с радостью слился с паркетом, но такими способностями он, увы, не обладал.

Конан влетел в класс и в бешенстве заорал:

— Где этот шклявый? Экстрасенс недоделанный!

Все будто онемели. На удивление, только трусиха Синицына не потеряла самообладания.

— Он у врача, — быстро нашлась она.

Женька готов был расцеловать её за эту ложь. Всё-таки Синицына — человек!

Борясь с приступом гнева, Конан помолчал, а потом мрачно произнёс:

— Передай, что врач ему больше не поможет. Тут медицина бессильна.

Он взял со стола чью-то ручку и пальцами одной руки легко переломил её пополам.

Нервы у Женьки не выдержали. Он вздрогнул и, задев стоящий рядом стул, выдал своё присутствие. Конан нагнулся, и их взгляды встретились.

— А ну, вылазь, — приказал Конан.

— Конан, честное слово, это случайно, — пролепетал Женька, вылезая из-под стола.

Конан схватил его за шкуру и поднял, так что рубашка жалобно затрещала.

— Что с тобой сделать? Может, в окно вышвырнуть? — кровожадно спросил он.

Женька, точно опоссум в момент опасности, замер и не трепыхался. Такая покорность судьбе охладила пыл Конана. Он разжал пальцы, и Женька кулём повалился на пол.

— Где твои шмотки? — сурово спросил Конан.

Женька кивнул на стоящий под столом ранец. Конан подхватил его, поднёс к окну, высыпал всё содержимое вниз, а следом швырнул и ранец.

— Считай, что тебе повезло. Если я тебя ещё близко увижу, ты у меня, как Карлсон, будешь под крышей летать.

С этими словами Конан ушёл. Почти тотчас в класс влетел Петухов. Не скрывая огорчения оттого, что пропустил аттракцион «Конан во гневе», он сокрушённо воскликнул:

— Ну как, Москвич, ты ещё шевелишься? Эх, жалко, я опоздал!

— Не бойсь, Петух. Ты ещё получишь свою порцию жизненных радостей, — успокоил его Женька.

— Шутник, — усмехнулся Петухов, плюхнулся на своё место и озадаченно заглянул под стол:

— Я чё-то не догоняю, где мой портфель?

Женька загадочно улыбнулся и многозначительно посмотрел на окно.

Гений пера

Когда Лёха зашёл за Женькой, он сразу же понял, что нормального гулянья не получится. Женька задумчиво сидел в кресле, закинув ноги на подлокотник. Его вальяжная поза красноречиво говорила о том, что он был в философском настроении. А судя по количеству фантиков от конфет на журнальном столике, он пребывал в нём уже довольно долго.

— Ничего себе! Ты, наверное, целый килограмм конфет слопал! — удивился Лёха.

— Это не конфеты, — рассеянно произнёс Женька, как будто его мысли витали где-то далеко.

Лёха с подозрением покосился на сласти. Выглядели они на удивление натурально, но рисковать не стоило. Он поспешно убрал руку от суфле в шоколаде и спросил:

— А что?

— Питание для мозга, — пояснил Женька.

— А-а, ну тогда всё в порядке, а то я уж подумал...

Питание для мозга ещё никому не вредило, поэтому Лёха без промедления развернул блестящую обёртку и отправил конфету в рот.

— Что ты подумал? Договаривай, — Женька уставился на друга.

— Ну, мало ли. Может, ты пустые фантики завернул, чтобы приколоться.

— Эх, брат Лёха, какое же это ребячество! Пора бы тебе повзрослеть, — сказал Женька с видом человека, познавшего жизнь.

— Почему это ребячество? Ты же на прошлой неделе сам так Шмыгу разыграл, — обиделся Лёха.

— Вот и я о том же. Можно сказать, треть жизни уже прожита.

— Почему треть? Нам же только по двенадцать.

— С лишним. Считать умеешь? Вон Пушкин погиб в тридцать семь. Как раз получается треть жизни.

— А при чём тут Пушкин? — не понял Лёха.

— При том, что пора подумать о вечности.

— Чего?!

— Вот ты, Лёха, что в жизни хорошего сделал?

— Вчера «четвёрку» по алгебре получил, — с гордостью сказал Лёха.

— Это не считается. Не будешь же ты потомкам хвастать своей «четвёркой». Им глубоко фиолетово, что у тебя было по алгебре.

— Может, мне тоже фиолетово, что они там подумают.

— А вот тут ты не прав. Нужно оставить свой след в веках.

Лёха скептически усмехнулся:

— Как же ты его оставишь?

— Например, хорошо бы Нобелевскую премию получить.

От такого заявления Лёха чуть не подавился. Видимо, с питанием для мозга Женька переборщил. Человеку с нормальными умственными способностями такая идея сроду не пришла бы в голову.

— Как же ты её получишь? — спросил Лёха. — Для этого лаборатория нужна, чтобы опыты ставить. Некоторые учёные целый год с утра до ночи работают, пока открытие сделают. Думаешь, тебя в школе за прогулы похвалят?

— Меня больше смущает шпионаж, — задумчиво проговорил Женька.

— А шпионаж-то тут при чём?

— Наивный ты, Лёха. Как только ты решишь получить Нобелевскую премию, за тобой сразу начнут следить. Сделаешь открытие, а кто-нибудь его перехватит.

— Ну вот. И стоит из-за этого целый год корпеть, — радостно подхватил Лёха.

Он уже надеялся, что философское настроение у Женьки прошло и они пойдут на улицу, но не тут-то было. Женька продолжал развивать мысль:

— Наука — дело трудоёмкое и неблагодарное. Лучше податься в литературу. Взять хотя бы Пушкина. Писал в своё удовольствие, а мы до сих пор наизусть учим.

— Сравнил! То Пушкин.

— Ну и что? Он же не сразу поэтом родился? Поначалу он тоже те ещё вирши сочинял. «Сашино пузо хочет арбуза» — прямо скажем, не вершина поэзии, — хмыкнул Женька.

— Да кому нужны твои стихи? — скривился Лёха.

Его тяга к поэзии угасла ещё в том нежном возрасте, когда он понял, что Дед Мороз — это уловка взрослых, чтобы заставить детей зубрить стихи. До этого он принимал как должное, что гостинец в обмен на стишок — это честный обмен. Но оказалось, подарки под ёлку кладут родители, а стихи вообще не имеют никакой практической ценности. Лёха не мог позволить другу тратить жизнь на столь бесполезное занятие. Он боялся, что Женьку придётся долго убеждать, но, как ни странно, тот сразу согласился:

— В точку. Стихи сейчас никто не читает.

Лёху несколько не насторожила покладистость друга. Видимо, жизнь его ничему не научила. Он по наивности полагал, что тема исчерпана, и радостно улыбнулся:

— Вот и я говорю: чего зря париться?

— Да, стишками сейчас никого не удивишь, — кивнул Женька. — Надо писать прозу.

— Рассказы, что ли? — скептически усмехнулся Лёха.

— Нет, это как-то мелко. Чтобы заявить о себе, надо создать что-то монументальное, — задумчиво проговорил Женька.

— Моментальное? Это как смешные стишки, которые сочиняют с ходу? — переспросил Лёха.

Женька посмотрел на него со снисходительной улыбкой.

— Темнота ты, Лёха. Такие стишки называются эпиграммами. А монументальное — значит, эпическое. Страниц на тысячу.

— Ну ты загнул. Это ж надо год писать.

Теперь Лёха воспринимал Женькино заявление как шутку. Кто же будет по доброй воле целый год над сочинениями пыхтеть? Однако Женька был настроен серьёзно.

— А ты как думал? Шедевры за день не рождаются.

И тут на начинающего литератора снизошла новая идея. Он щедро предложил:

— Хочешь, я тебя в соавторы возьму? Вдвоём у нас дело пойдёт быстрее.

Лёха не оценил широты души закадычного друга. Его вовсе не манила слава гения русской словесности. Более того, он воспринял это заявление, как посягательство на собственную свободу, и поспешно отказался:

— Не, у меня почерк плохой.

— Ерунда. У Толстого тоже почерк был жуткий, а вон сколько томов написал, причём пером. А мы текст будем сразу на компьютере набирать.

Петля затягивалась. Лёха привёл ещё один довод:

— У меня же по русскому «тройка». Я с ошибками пишу.

— Не парься. В «Ворде» все неправильные слова подчёркиваются. Главное, чувствовать в себе талант, — успокоил его Женька.

Перед Лёхой забрезжила надежда на спасение. Никогда ещё он так остро не ощущал отсутствие таланта и не радовался этому обстоятельству.

— Не чувствую, честное слово.

Искренность в его голосе не оставляла сомнений, что писателя из Лёхи не получится. Женька сдался:

— Ладно, будешь моим первым читателем.

Лёха с радостью согласился. Тысяча страниц — это не писулька на тему «Как я провёл каникулы». Пока Женька напишет роман, пройдёт о-го-го сколько времени. К тому же нельзя исключать, что он вообще передумает. * * *

На выходных новоиспечённый писатель был полностью потерян для общества. Он с головой ушёл в работу. Лёха несколько раз звонил ему, чтобы напомнить, что в мире есть много интересного, но Женька отмахивался от жизненных наслаждений. Лёха уже не на шутку обеспокоился, когда в воскресенье вечером Женька явился к нему с таким довольным видом, будто выиграл промокод на новенькую игру. Он раскинулся на диване как человек, уставший от праведных трудов, и объявил:

— Принёс!

— Тысячу страниц?! — опешил Лёха.

— Первую главу. Писать роман от начала и до конца — это прошлый век.

Сейчас модно выкладывать своё произведение онлайн. Говорят, у Стивена Кинга новая глава стоит десять долларов. Прикинь, если её прочитают человек сто. Тысяча баксов в кармане. А если в романе глав сто? Сечёшь размах?

Внезапно эта мысль открыла для Женьки новые перспективы. На некоторое время писатель уступил в его душе место коммерсанту. Он продолжал размышлять вслух:

— Для начинающего автора десять долларов — это перебор. А вот десять рублей вполне нормальная сумма. Как ты думаешь? Вот ты отдал бы десять рублей, чтобы прочитать мою главу?

Лёха хотел ответить честно, но Женька смотрел на него с такой надеждой, что он не смог сказать правду и уклончиво произнёс:

— Ну... может быть. Наверное. Нет, точно отдал бы. Но сейчас у меня нет денег. Я всё за выходные потратил. Так что придётся читать в следующий раз.

Женька проявил себя человеком широкой натуры и не стал размениваться по мелочам.

— Тебе, как другу, всё бесплатно, — щедро предложил он. — К тому же настоящему писателю нужен редактор. Так что, если тебе что не понравится, не стесняйся. Критикуй.

Лёха обречённо кивнул. Женька достал из сумки несколько напечатанных на принтере листов и начал читать:

«Зловещая тьма зловеще сгущалась над землёй. В её кровавых отблесках был виден всадник. Его доблестный конь в мыле говорил о том, что скачет уже много дней. Широкие поля скрывали его измождённое лицо.

Неожиданно донёсся свист стрелы. Пронзённая шляпа взмахнула полями, слетела с головы Храбромысла и замертво воткнулась в дерево, не оставив на лице героя ни тени страха.

Зло опять зашевелилось. В кустах раздался леденящий душу шорох. Храбромысл обнажил свой меч, но вовремя остановился, потому что из кустов вылез гном Шмыгрин Тук.

Из-за причины хилого телосложения он использовался как гонец, а не для битвы, потому что его мог побить даже самый захудалый гоблин.

— Что ты тут делаешь, старина Шмыгрин? — спросил Храбромысл.

— У меня плохие вести, доблестный герой. За мной гонится толпа орков. Коварный гоблин Груздежор уже в замке королевы эльфов Елендил, чтобы коварно её соблазнить.

— Ха-ха! — рассмеялся Храбромысл. — Что может этот пузатый негодяй? Этот толстяк, нашпигованный жиром. Я даже не буду тратить нервы, чтобы посмотреть на него.

— Это правда. Моя жена гномиха Майкатупс служит служанкой у королевы эльфов и сказала, что Елендил от страсти влюблена в тебя насмерть. Но Груздежор вынашивает коварный план.

Храбромысл так и не узнал про гнусный план гнусного Груздежора, потому что вторая стрела со свистом пронзила Шмыгрин Тука, и он упал замертво».

— Так чего, Шмыгу насмерть убили? А как же тысяча страниц? — спросил Лёха.

Замечание заставило Женьку задуматься. В самом деле, если Шмыгунова убьют в самом начале романа, то дальше ему читать будет неинтересно. Это минус десять рублей с каждой главы.

— Молодец, Лёха! Пусть у тебя нет таланта, но в литературе ты кое-что понимаешь, — похвалил друга Женька. Он взял ручку, внёс поправку и продолжил чтение:

«Стрела со свистом пронзила Шмыгрин Тука, но он ловко увернулся и упал в обморок от страха, как будто замертво.

Из-за деревьев выскочили орки. Они изрыгали злобные проклятия и ругательства и наступали на героя. Но он даже ухом не повёл. Его нервы оставались, как железные канаты, даже крепче. Он выхватил меч и разрубил орков на сто кусков, но на их место тут же встали другие.

Двое орков подкрались сзади, чтобы его разрубить, но он разгадал их манёвр. Он стремительно повернулся, и их отрубленные головы покатались по земле, глумливо скалясь черепами. Другие орки испугались от такой картины и бросились трусливо бежать. Храбромысл настигал их, и его возмездие обрушивалось на них в виде острого меча».

По мере того, как Женька читал, Лёха всё больше проникался уважением к его литературному дару. В какой-то момент он даже решил, что мог бы пожертвовать десятью рублями, чтобы узнать, что будет дальше. Правда, было немного обидно, что Женька ни словом не упоминал в романе о нём, хотя он был его самым близким другом, но с другой стороны, о себе Женька тоже не писал.

На крыльях Женькиной фантазии они перенеслись в замок королевы эльфов Елендил, где «гнусный Груздежор плёл свои паучьи сети и пытался соблазнить Елендил игрой на лютне».

Тут Лёха вспомнил о своей задаче редактора и внёс поправку:

— Гоблины на лютне не играют.

— Почему это не играют? — вскинулся Женька.

— Потому что на лютне играют только эльфы.

В глубине души Женька чувствовал, что редактор прав, но вся его творческая душа протестовала против того, чтобы сделать Вадика Груздева эльфом.

— Где ты видел эльфа с таким пузом? — возмущённо воскликнул он.

— Я вообще эльфов не видел, — спокойно возразил ему Лёха.

— Вот именно, а туда же, поучаешь, — проворчал Женька, но всё же дописал:

«Несмотря на то, что гоблины не играют на лютне, Груздежор коварно выучился, чтобы лютней соблазнить Елендил. Он плёл свои гнусные интриги и приглашал её на концерты, но она отворачивалась от отвращения. Сердце Елендил было занято. Долгими ночами она шептала имя Храбромысла. Когда она его видела, её сердце выпрыгивало из груди».

— Как это выпрыгивало? Как мячик, что ли? — прыснул Лёха.

— Чего ты ржёшь? — возмутился начинающий литератор. — Это метафора такая. Если ничего не понимаешь, то молчи.

— Сам же сказал, критикуй, — обиделся Лёха.

— Так ты по-хорошему критикуй, а не придирайся.

— Ладно, я же не нарочно. Читай дальше, — примирительно сказал Лёха.

Сюжет его захватил. Надо отдать Женьке должное, тот умел плести интригу. Лёха с самого начала гадал, кто же скрывается под маской стремительного и отважного героя Храбромысла, и только теперь до него дошло, что это Эдик из десятого «А». В него не только Ленка Синицына, половина девчонок школы влюблены по уши.

Однако Лёха явно недооценил дарование новоявленного литератора. Женька оказался настоящим мастером неожиданных вывертов. После того, как Храбромысл одной левой нокаутировал Груздежора и разбил лютню о его гнусную голову, он пообещал Елендил спасти мир, а поскольку в одиночку сделать это было совсем не просто, герой встретился со своим другом.

«Хоббит Леханбо Потапинс поджидал его на перекрёстке дорог, которые вели в самое зловещее и кроважидное место на всей земле — крепость орков. Леханбо не боялся отправиться к оркам. Он даже смеялся над опасностью, потому что был преданным другом и смелым, как сто львов, которые не боялись выступить против сотни гоблинов. Он уже устал и еле передвигал свои лохмоногие ноги...»

— Почему это у меня ноги лохмоногие? — обиделся Лёха.

— Как почему? Ты же хоббит.

— Не хочу я быть хоббитом. Значит, ты человек, а я хоббит? — надулся Лёха, который только теперь осознал всю правду о главном герое.

— Чудак! Так же интереснее. Если все будут людьми, тогда и писать незачем, — оправдывался Женька.

— Никакой ты не Храбромysl. Тоже мне, быстрый как молния. На физре последним прибегаешь.

— В книге должен быть домысел. Иначе неинтересно. К тому же это моя книга, что хочу, то и пишу. Вот если ты захочешь написать, что ты круглый отличник и тебя выбрали для полёта на Марс, я возражать не стану. Честно, — искренне заверил друга Женька.

— Всё равно я не хочу быть лохмоногим, — заупрямился Лёха.

— Ладно. Хочешь, я напишу, что ты ноги побрил? Только это же курам на смех — хоббит с бритыми ногами, — в сердцах сказал Женька.

Лёха внимательно перечитал абзац и признал, что он написан неплохо. Особенно Женьке удалась фраза про сто львов.

— Нет, брить не надо, — милостиво согласился он. — Но лохмоногую убери.

Далее повествование развивалось так, что у Лёхи захватило дух. Он отчётливо видел, как буйное воображение гнало Женьку прямо на опасные рифы реальности. Это был уже не какой-то заурядный остросюжетный роман, а настоящий шедевр среди триллеров. Стивен Кинг отдыхает.

«Леденящий ужас окутывал чёрный замок. В этом логове орков были везде разбросаны кровавые черепа и кости, которые скалились всеми своими зубами. Именно здесь жил самый злобный и гнусный из всех кровавых и зловещих орков, Петухагх».

Охваченный смутным чувством тревоги, Лёха прервал чтение:

— Про Петухагха не надо бы. Если узнает, он тебя в порошок сотрёт.

— Спокуха, Лёха. Откуда он узнает? Петух в жизни ни одной книжки не прочёл. Сам прикинь, станет он на это десять рублей тратить?

— Пожалуй, не станет, — неуверенно согласился Лёха.

— Вот и я о том же. К твоему сведению, у него даже «В Контакте» профиля нет. Это ж пещерный человек. Одно слово — орк.

— Так ты правда хочешь выложить это в Интернет? — опешил Лёха.

— А ты как думал? Это раньше писатели писали «в стол». А теперь время мировых коммуникаций, — широко улыбнулся Женька.

Лёха подумал, что, может, в образе главного героя не всё выдумка. Во всяком случае, полная бесшабашность и отчаянная храбрость были налицо. Однако у Женьки всё же сохранились остатки благоразумия. На мгновение задумавшись, он заявил:

— Надо взять псевдоним. Что ни говори, а от имени автора многое зависит. Вот скажи, стал бы кто-нибудь раскошелиться, если бы Стивена Кинга звали Евгений Москвичёв?

— Главное, чтобы Петухов не догадался, — вздохнул Лёха, но Женька был занят своими мыслями и пропустил его реплику мимо ушей.

Псевдоним выбирали долго и наконец утвердили краткое, но ёмкое — Юджин Кингсайз.

На прощание Женька успокоил друга:

— Не трусь, Лёха. Петух будет последним, кто это прочитает.

Остаток вечера Женька провёл в заботах.

Открыл на «Яндекс-деньгах» счёт, куда должны были течь средства от нового предприятия.

Предварил роман текстом следующего содержания:

«Всякий честный человек, кто начнёт читать, должен положить десять рублей на „Яндекс-кошелёк“...» Далее шёл номер счёта.

Выложил главы в Сеть.

Провёл рекламную кампанию, отправив всем друзьям «В Контакте» и в «Моём мире» ссылку с заметкой, что такого захватывающего романа они ещё не читали.

Шёл одиннадцатый час, когда Женька наконец завершил дневные труды. Перед сном начинающий автор на всякий случай проверил «Яндекс-кошелёк», но денежный дождь пока не хлынул. Впрочем, было уже довольно поздно. В такое время родители разгоняют народ от компьютеров.

Женька не разбогател и на следующий день. Он уже забеспокоился, что реклама оказалась не достаточно завлекательной, и только после уроков ему открылось, что честных людей не так уж много. Судя по суровым лицам одноклассников, которые поджидали его во дворе, главы романа они прочитали, хотя его счёт не пополнился ни на рубль. Более того, вопреки его прогнозам, Петухов всё же приобщился к большой литературе. Он расправил плечи и неспешной походкой направился к гению пера.

— Ну всё, Хромойтрусл, прощайся с жизнью.

— Я не хромой... — начал было Женька, но Петухов его перебил и со зловещей ухмылкой пообещал:

— Будешь.

— Дай ему в ухо! — подначила Майка.

— Ага, надавать ему — и дело с концом, — пискнул Шмыгунов, хотя он мог бы и не выступать, поскольку служил прототипом вполне уважаемого гнома.

Но самое обидное — Ленка была со всеми заодно, как распоследняя гоблинка, а не возвышенная эльфийка. Вот и делай из женщины королеву. Если бы не верный друг-хоббит, Женьке досталось бы куда сильнее. Побитые, они брели домой. Под глазом у неудавшегося писателя наливался кровоподтёк. Гений пера был необычайно тих.

Лёха тоже молчал. В глубине души его даже радовал неудачный дебют Юджина Кингсайза. Синяки и ссадины — пустяки. Зато теперь Женька наверняка забросит писательство и вернётся к нормальной жизни. Однако он недооценил своего друга. Неожиданно Женька остановился и произнёс:

— А ведь это даже хорошо, что нас побили. Было бы куда обиднее, если бы нас никто пальцем не тронул.

Лёха с опаской покосился на друга. Видимо, во время драки того сильно ударили по голове. А Женька покровительственно положил руку Лёхе на плечо и объявил:

— Знаешь, что отличает настоящую литературу? Она умеет задеть за живое.

Грамотей

Леф, леопарт,

носорок и верблюд

В моём зоопарке

тетрадном живут.

Ребята узнали

про льфа с леопартом,

И все покатались

от смеха под парты.

Верблюты мои

и мои носороки

Весь класс потешали

вчера на уроке.

Жаль, нету в природе

подобных зверей.

Ну, что же, отныне

я буду умней.

И, чтоб не смешить
понапрасну народ,
Я вывел:

жирав,

утконоз,

бегемод.

Реклама — двигатель торговли

Наступила благословенная пятница, за которой следовало целых два дня отдыха. Поскольку Лёха умудрился на этой неделе получить несколько «четвёрок» и не получить ни одной «двойки», родители поощрили его щедрой денежной премией, которой хватало на билет в кино и ещё оставалось на поп-корн. Ощувив финансовую независимость, Лёха возлагал на выходные большие надежды. Во дворе он встретил Женьку, который пребывал в философском настроении. На предложение Лёхи пойти в кино, он заметил:

— Вот так мы теряем время. А жизнь проходит.

По всем признакам, Женьку посетила очередная гениальная идея. Житейский опыт научил Лёху относиться к подобным моментам с осторожностью.

— Так выходные же, — напомнил он.

— Ты деньги где взял? — ни с того ни с сего спросил Женька.

— Родители дали, где же ещё.

— То-то и оно, что родители. А пора бы уже самим зарабатывать на карманные расходы, — заявил Женька. — Бизнес надо строить смолоду. Когда мы будем двадцатилетними стариками — всё, поезд ушёл. Лучшие места уже будут заняты молодыми и энергичными.

Для Лёхи слово «бизнес» имело только одно значение, поэтому он напрямик спросил:

— И чем ты собираешься торговать?

— Интеллектуальной собственностью.

Ответ друга поверг Лёху в ступор. Нет, дураком он себя не считал, но интеллектуальной собственности у него отродясь не было.

— Я чего-то не догоняю, — честно признался он.

Женька многозначительно постучал себя пальцем по лбу.

— Будем зарабатывать силой мысли. Спорим, можно без особого напряжения получить миллион баксов?

Лёха со смесью испуга и жалости уставился на друга. Судя по всему, крыша у того поехала так, что черепицу не соберёшь. Возражать и спорить было бесполезно. Что возьмёшь с больного человека?

Удовлетворённый произведённым эффектом, Женька указал на свои выдавшие виды кроссовки и, ткнув в логотип фирмы «Найк», спросил:

— Как ты думаешь, сколько стоит эта загогулина?

— В каком смысле?

— В самом прямом. Знаешь, сколько фирма отвалила рекламщикам за этот мазок? — Женька выдержал паузу и с пафосом произнёс:

— Миллион долларов.

— Да ну? — не поверил Лёха.

— Не «да ну», а ну да! «Найк» выложил миллион баксов, миллион новеньких гринов, за то, что им нарисовали такую фитюльку. Скажи, только честно, ты мог бы нарисовать это за миллион?

Лёха понял, что его акции возросли, и уверенно заявил:

— А то! Да я бы за такие деньжищи гектар бы изрисовал, — воодушевился он.

— Вот-вот. Прикинь, дураки. Ладно бы им изобразили картину Репина «Иван Грозный убивает сына», а то за какую-то запятую такую сумму выложить.

Друзья помолчали. Их до глубины души потрясла беспредельная глупость совета директоров крупнейшей спортивной компании. Самое обидное, что руководство «Найка» не знало, куда обратиться, чтобы сэкономить кучу денег.

Лёша шумно вздохнул:

— Жалко, что им больше ничего не надо.

— Подумаешь, есть другие фирмы, — успокоил его Женька. — Я тут полазил по Сети и понял, что реклама — это самый выгодный бизнес. Даже если мы будем по сто баксов брать, и то обогатимся.

На словах всё выходило красиво, и всё же Лёху точил червь сомнения:

— А как люди про нас узнают?

— Зришь в корень. Главное, заявить о себе, ну и заработать первичный капитал, — кивнул Женька.

Это звучало заманчиво, и Лёха весь обратился в слух.

— Бизнес надо начинать с малого, — со знанием дела заявил Женька. — Видел, возле метро

новую пиццерию открыли? Они как раз пытаются её раскрутить. Вот мы и займёмся рекламными плакатами.

— Ну ты и загнул. Одно дело загогулину нарисовать, а другое — плакаты. Как же мы их напечатаем? — спросил Лёха.

— Нам и не надо ничего печатать. Для этого типографии есть. Нашлѐпать плакаты — дело нехитрое. Что толку, если они будут пылиться на полке? Главное — донести рекламу до народа, сечѐшь?

— Не очень, — честно признался Лёха.

Порой Женька объяснялся так туманно, что поймать его мысль было не легче, чем ловить кубики на продвинутых уровнях «тетриса».

Женька расплылся в улыбке и хлопнул Лёху по плечу.

— Объясняю для непосвящённых. Мы станем рекламными агентами. Для начала будем расклеивать плакаты, а когда заработаем стартовый капитал, откроем собственную фирму.

Неуёмная фантазия живо нарисовала перед Женькой красочную картину делового успеха, и он с воодушевлением продолжал:

— Заделаемся директорами. Я, чур, генеральным.

— А я?

Женька смерил Лёху оценивающим взглядом и сказал:

— Ты коммерческим. Наймѐм народ. Ленку Синицыну секретаршей посадим.

— Нет, лучше бухгалтером. Будет деньги считать. У неё по математике «пятѐрка», — подхватил Лёха.

— Нет проблем. Тогда секретаршей Майку сделаем, чтобы чай нам подавала, — согласился Женька. — А Петухова в телохранители возьмѐм. Представь, картинка с выставки: мы с тобой выходим из офиса, а он перед нами дверь открывает. Петух от злости лопнет.

После того, как они трудоустроили весь класс, Лёха окончательно созрел для рекламного бизнеса. Дело оставалось за малым: устроиться в пиццерию.

— А вдруг нас не возьмут? — заволновался Лёха, но Женька его успокоил:

— По-твоему, пенсионеры лучше нас рекламу клеят? Не суетись, прорвѐмся.

Не теряя времени даром, друзья отправились в пиццерию. Хозяином кафе оказался толстый дядька с пышными моржовыми усами. Узнав, что перед ним не клиенты, а соискатели на должность расклейщиков рекламы, он не оценил привалившего ему счастья. Радушная улыбка слиняла с лица. Не скрывая раздражения, он сказал:

— Рано пришли, мальчики. Вы в каком классе учитесь?

— В восьмом, — бойко соврал Женька, но, поняв, что слишком зарвался, слегка скостил возраст. — Вернее в седьмом.

Дядька с недоверием посмотрел на его тщедушную фигуру и покачал головой:

— Годика через три приходите, а то мама волноваться будет.

— Не будет. Мы, знаете, какие самостоятельные. Лёха, скажи. И быстрые. Мы вашей рекламой весь район в два счёта обклеим. У вас от клиентов отбоя не будет, честно, — с жаром заверил его Женька.

— Нет, если узнают, что у меня малолетки работают, хлопот не оберёшься, — отказался усатый, но на помощь ребятам пришёл дяденька в поварском колпаке, который стал невольным свидетелем разговора.

— Зураб, кто узнает? Мальчики правы. Они быстро всё расклеят. Им хорошо, нам хорошо, всем хорошо.

— Не сомневайтесь! Мы никому не скажем! — выпалил Женька и добавил: — Что ж с того, что мы молодые? Нам ведь надо набираться опыта. Сколько можно сидеть на родительской шее?

Пора учиться зарабатывать самим.

Против такого довода не устоял бы никто. Деловая хватка юного бизнесмена наповал сразила владельца кафе, и он не мог не поощрить похвальные намерения.

— Хорошо. В комнате в конце коридора возьмёте плакаты и клей. Скажете, я велел. И смотрите, без обмана. Чтобы всё наклеили. Я лично пойду и проверю. Если что, шашлык из вас сделаю, — пригрозил он, и его усы встопорщились, как у Бармалея.

Через четверть часа Женька и Лёха вышли из кафе с двумя стопками красочных плакатов размером с обычный лист бумаги. Половина рекламировала суши, половина — пиццу. Друзья сразу же поделили сферы деятельности, и работа закипела. Для начала они наклеили рекламу возле подъездов многоквартирного дома. Рядом разноцветные листки смотрелись очень красиво.

Проблема возникла, когда Лёха заметил на перекрёстке столб. Место было выигрышное. Оно отлично просматривалось со всех сторон. Там красовалось объявление о выступлении Куклачёва с дрессированными кошками, но рядом оставалось немного свободного пространства.

— Вон место супер! — воскликнул Лёха.

Женька тоже оценил находку друга. Он проворно подскочил к столбу и, пока Лёха возился с клеем, успел первым наклеить рекламу суши. Пицца осталась не у дел. Больше клеить было некуда.

— Я это место первый заметил, — насупился Лёха, держа в руках намазанный клеем плакат.

— Ну и что? Зато я первый наклеил, — возразил Женька.

— Так нечестно. Это моё место, — сказал Лёха в надежде, что у друга проснётся совесть и он признает, что не прав, но Женька нахально улыбнулся:

— Было твоё, да сплыло. Ты со свистом пролетел.

Если бы Женька извинился, Лёха его простил бы и пошёл искать другое место, но подобной наглости он вынести не мог. Ни слова не говоря, он шлёпнул свою рекламу поверх Женькиной.

Генератор идей не ожидал такого вероломства. Что ни говори, он стоял у истоков бизнеса и мог рассчитывать на уважение со стороны коллеги.

— Ах так! — воскликнул Женька, мазанул клеем по Лёхиному плакату и наклеил сверху свой.

— А вот так! — ответил Лёха и, щедро плеснув клеем на Женькину рекламу, приладил свою.

Женька смерил Лёху испепеляющим взглядом и презрительно поморщился:

— Кому нужны твои суши? Даёшь пиццу!

Подтвердив слова действием, он упрятал рекламу суши с глаз долой. Лёха не остался в долгу.

— Это твоя пицца никому не нужна!

Столкнувшись с конкуренцией, друзья продемонстрировали, что ни один из них не обладает гибкостью в принятии решений. Некоторое время они боролись, пытаясь перетянуть рынок на свою сторону, но шансы были равны. Женька первый понял, что такими методами конкурента не одолеть. Он напустил на себя нарочито безразличный вид и заявил:

— Подумаешь! Это не единственное место в городе.

И гордо удалился.

Лёха торжествовал, но скоро убедился, что это всего лишь тактическая хитрость. Стоило ему отойти, как Женька вероломно вернулся и пристроил рекламу пиццы на прежнее место. Хорошо ещё, что Лёха обронил возле столба колпачок от тюбика с клеем. Он тотчас восстановил справедливость.

Женька из-за угла наблюдал за неправомерными действиями конкурента. Естественно, он не мог оставить столь низкий поступок безнаказанным. Впрочем, зная о коварстве друга, Лёха тоже не дремал.

Некоторое время они попеременно бегали к столбу. Стопка плакатов на нём росла и напоминала большущий отрывной календарь. Здравый смысл подсказывал Лёхе, что пора прекратить это бессмысленное соревнование, но конкурентная борьба зашла так далеко, что никто не хотел уступать. В пылу азарта здравый смысл умолк. Прятаться дальше не имело смысла, и акулы рекламного бизнеса снова сошлись лицом к лицу.

Они продолжали заклеивать столб, обливая презрением продукцию конкурента.

— Я вообще ни за что не буду есть суши, даже если мне за это заплатят! — кричал Женька.

— А меня от пиццы просто тошнит, — вторил ему Лёха.

— Суши едят только психи, — не унимался Женька.

— Пицца — полный отстой! Нормальный человек её в рот не возьмёт! — не отставал Лёха, хотя ещё недавно считал, что вкуснее пиццы ничего нет.

По мере того, как накалялись страсти, стопки плакатов в руках у друзей таяли. Зато на Столбе висел прямо-таки угрожающий нарост из бумаги, потолще «Большого энциклопедического словаря».

Казалось, выигравших в этом споре не будет, когда Лёхе пришлось испытать горечь поражения.

Он наклеил последний листок. Женька так возликовал, что запрыгал от радости на одной ножке. Он торжественно залепил рекламу суши, и при этом у него осталось ещё два плаката. Победитель помахал ими перед носом поверженного конкурента и злорадно произнёс:

— Это видел?! Пицца форевер!

Лёха не нашёлся что сказать. Его руки были пусты. Он стоял и с печалью взирал на толстенную пачку рекламных плакатов, которая лишь чудом удерживалась на столбе. И тут он вспомнил слова хозяина кафе: «И смотрите, без обмана. Чтобы всё наклеили. Я лично пойду и проверю. Если что, шашлык из вас сделаю».

Ребята переглянулись. Видимо, подумали об одном и том же. Насчёт обмана, усатый мог не волноваться. Плакаты были наклеены все до единого, и всё же друзья подозревали, что за зарплатой им лучше не являться.

Они уныло побрели домой.

Мама встретила Женьку радостным возгласом:

— Ты как раз вовремя! А у нас сюрприз.

Женька приободрился. Мысль о крахе рекламного бизнеса тотчас вылетела у него из головы.

— Что за сюрприз? — живо заинтересовался он.

— Папе выплатили премию. Он ведёт нас в кафе.

— Ура! — воскликнул Женька.

Мама потрепала его по голове:

— Папа ждёт нас в новой пиццерии возле метро. Кстати, он велел, чтобы ты пригласил Лёшу. Он ведь большой любитель пиццы.

Львиная история

Папу в город Львов послали.

Испугался я вначале:

Для такой командировки

Нужен мастер дрессировки.

Папа храбрый. Он для дела

В город Львов собрался смело

И сказал: «Не пропадём!

Едем мы с коллегой Львом!»

Я увидеть льва мечтал,

Напросился на вокзал,

А в купе садится к папе

Бородач в очках и в шляпе.

Тут спросил я, осмелев:

«Ну какой же это лев?»

И ответил он с улыбкой:

«Лев Иванович Присыпкин».

Но теперь мы знаем с вами,

Что бывают люди львами.

И скажу вам больше: Львов —

Город вовсе не для львов.

Чуден Днепр

Девушка: Слушай, «Гроза» это ваще.

Я вся обрыдалась.

Парень: А «Горе от ума» читала?

Девушка: Нет, а что там?

Парень: Да там до фига всего,

главное, врубиться. Из разговора, услышанного в метро.

«Во дни сомнений,

во дни тягостных раздумий

о судьбах моей родины,

ты один мне поддержка и опора,

о великий, могучий, правдивый

и свободный русский язык!» И. С.Тургенев

Лёха угрюмо сидел над хрестоматией по литературе и пытался вызубрить наизусть заданный отрывок, когда раздался звонок в дверь. Женька ввалился в прихожую и с ходу выставил перед носом у Лёхи диск.

— Во, новенький «Терминатор». Включай видик. Сейчас оторвёмся.

Лёха не разделил энтузиазма друга. Он тяжело вздохнул и помотал головой:

— Облом. Я с литературой завис. Если «двойка» огребу, отец мне в реале терминатора устроит.

— А чего за запарка с литературой? — искренне изумился Женька.

— А наизусть? Вера Ивановна напрягла с этим Гоголем, — напомнил Лёха. — Целая страница. Это ж полный завал!

Женька не мог оценить всей глубины страданий друга. Сам он обладал феноменальной памятью, поэтому учить тексты наизусть для него было плёвым делом. Зато Лёха был безутешен:

— Уже час бьюсь. Прикинь: «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет; ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идёт или не идёт его величавая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла...» Это ж надо такое выдать! Мозги вскипают. А тут наизусть!

— А вслух пробовал учить?

— Беспонтово. Я вообще не врубаюсь, какое стекло, куда катит? Меня этот Гоголь обломал.

Как всегда, Женька не мог оставить друга в беде. Он взял хрестоматию, пробежал глазами по тексту и утешительно сказал:

— Сейчас въедешь. Не стремайся, ты этот текст на раз выучишь.

Он начал бойко декламировать:

— Клёвый Днепр при классной погоде, когда тормозно и кайфово выпендривает сквозь леса...

По мере того, как Женька читал, Лёхино чело светлело.

— Так это ж совсем другое дело! — воскликнул он, когда Женька дошёл до конца. — А то непонятки какие-то. Чё, сразу нельзя было по-русски написать?

Женька пожал плечами:

— Мёртвый язык.

Урок литературы подходил к концу. Лёха уже надеялся, что Вера Ивановна забыла его спросить. Но оказалось, память у неё отменная. Она обвела класс взглядом и остановилась на Лёхе.

— У нас ещё есть время послушать Потапова, — сказала она.

Лёха вышел к доске, набрал в лёгкие воздуха и произнёс:

— Клёвый Днепр при классной погоде, когда тормозно и кайфово выпендривает сквозь леса и горы свою H₂O (аш два о) анлимитед.

— Что?! — перебила его Вера Ивановна.

— Днепр, — ответил Лёха и продолжил декламацию: — Не колбасит. Не вякает.

— Что ты читаешь? — снова перебила его учительница.

— Гоголь. Николай Васильевич. Вы же сами задавали, — растерялся Лёха.

— Всё! Хватит! Достаточно! — воскликнула Вера Ивановна.

Класс недовольно загудел, а с задней парты раздался голос Петухова:

— Верванна, пускай ещё почитает. Клёво же написано.

Бедная литераторша потеряла дар речи. Ободрённый её молчанием, Лёха возобновил декламацию:

— Зыришь и не догоняешь, канает или не канает его беспредельный анлим. И вдруг глюк, будто он стопудово из стекла, будто голубой хайвей кочевряжится и выёживается по зелёному реалу...

Когда Лёха завершил, класс зааплодировал, а Петухов воскликнул:

— Классный чувак этот Гоголь! А чего же нам втирают, что классика — это нудятина?

— А в школьной библиотеке эта книжка есть? — робко поинтересовался Шмыгунов, который за всю жизнь прочитал только «Репку», и то с помощью мамы.

Его перебил не менее начитанный Петухов:

— Завянь, Шмыга. Я первый на очереди.

В тот день у Веры Ивановны разыгралась мигрень. Таблетки не помогали. Ночью она без сна ворочалась в кровати. В висках пульсировала боль, а в ушах навязчиво звучали слова, которые ей смутно что-то напоминали:

«Во дни... депресняка, во дни грузилова о судьбах нашего мазерленда ты один меня крышуешь и бэкапишь, о, крутой, чумовой и драйвовый русский язык...»

Пятница, тринадцатое

У моей сестры удивительный талант меня донимать. Хлебом не корми, только дай покомандовать. Никакого спасения от неё нет. Всего-то на четыре года старше, а корчит из себя взрослую, то и дело меня воспитывает: вещи не разбрасывай, мяч по квартире не гоняй. Допустим, её претензии насчёт того, чтобы мои носки не валялись у неё на кровати, я ещё могу понять, но комната-то у нас общая. Может, мне тоже не нравится, когда она письменный стол всякими цветочками захламляет. Так она, помимо всего прочего, в мои тетрадки лезет. Зачем, мол, их разрисовываешь? Я ей вежливо так отвечаю:

— Не твоего ума дело. Пушкин тоже в тетрадях уродцев рисовал, а каким человеком стал.

Другая бы на её месте заткнулась, а Танька мне:

— Ну, раз речь зашла о Пушкине, было бы неплохо тебе стихи учить. И словарный запас расширишь, и память улучшишь.

Я думал, она это для смеха сказала, так нет. Достала книжищу «Поэты Серебряного века» и давай надо мной измываться. Мало ей того, что таблицей умножения меня замордовала. А калькулятор на что? Если все начнут в уме считать, выходит, изобретению зря пропадать? А самое обидное, что родители не просто закрывают глаза на нарушения моих прав человека,

но ещё сестру нахваляют. Я старался не унывать и стойко переносить выпавшие на мою долю невзгоды, но чем дальше, тем больше распоясывалась сестрица. И вот, когда я уже совсем отчаялся добиться справедливости, мне улыбнулась удача.

В пятницу родители собрались в Сергиев Посад, на юбилей к маминой тётке. Вернуться они планировали в субботу, а нас впервые оставляли домоседничать одних. Если бы не сестра, то о лучшем и мечтать нечего, но не тут-то было. Как и следовало ожидать, только родители за порог, она принялась диктовать свои законы. Стоило мне включить телик, Танька тут как тут!

— Сначала убери за собой свинство на кухне, выучи уроки и заполни дневник на следующую неделю.

— А может, тебе ещё пшеницу и просо по разным мешкам разложить? — съязвил я.

— Не умничай, Золушка, а то заставлю в придачу ботинки почистить. И вообще, выключи телик. Для тебя в программе сегодня ничего нет.

И стоит так нагло и невозмутимо, как Кинг-Конг перед небоскрёбом.

— Как ничего? А «Пятница, 13» про Фредди Крюгера? — напомнил я.

— Такие фильмы вообще надо запретить показывать, — сказала Танька.

Сама она не смотрела ни ужастиков, ни боевиков. Кругозора — ноль. Но, если сестра такая тёмная, то почему я должен страдать? Только я открыл рот, чтобы об этом заявить, как вдруг на меня нашло озарение. Я знал, как поставить её на место. Сегодня было тринадцатое число, пятница. Коварный замысел постепенно вырисовывался в моей голове.

За обедом я, как бы невзначай, бросил:

— Угораздило же родителей уехать в пятницу, тринадцатого. Я бы не рисковал оставлять нас одних.

— Почему? — равнодушно спросила сестра.

— Если бы ты смотрела фильмы ужасов, тогда бы знала, что в эту ночь вся нечисть оживает. Слабо, к нам какой-нибудь призрак притащится?

Танька выразительно покрутила пальцем у виска и покачала головой.

— Меньше в телевизор пялься, и привидения мерещиться не будут.

«Ничего, мы ещё посмотрим, что кому мерещится», — злорадствовал я.

К вечернему мероприятию я решил подготовиться основательно. Реалити-шоу предстояло покруче кино. Танька только со мной храбрая, а по жизни трусло, каких поискать. Ничего, я ей сделаю «Один дома-3», будет как шёлковая ходить.

План созрел сам собой и был прост, как всё гениальное. Правда, он потребовал некоторого вложения денег, но ради такого случая я был готов на любые жертвы.

Для начала я сгонял в супермаркет за воздушным Шаром. Обычные шарики, надутые гелием, я отмёл сразу же. Они были слишком ненадёжными и могли лопнуть в любой момент. В серьёзном деле лучше не мелочиться. Я раскошелился на дорогой шар из плотного серебристого материала. Выбор был велик: и зебры, и пиратские шхуны, и всякие медвежата-котята. Но я присмотрел скромный круглый шар размером с арбуз, на котором

было написано: «Поздравляем!» Впрочем, надпись меня не интересовала. Всей этой красоте не суждено было радовать глаз моей сестрицы.

Пронести покупку в квартиру не составило труда. Таньки дома не было. По пятницам она ходит на курсы английского. А вот спрятать шар оказалось куда сложнее. Шкаф-то у нас общий, хотя большинство полок и вешалок забиты одежками сестры. Я вообще удивляюсь, зачем девчонкам столько тряпок? Послonyaвшись по квартире, я наконец решил пристроить его в спальне у родителей. В мамин шкаф Танька не полезет.

Дальше предстояло найти белую простыню. И вот тут мой замечательный план дал сбой. Как назло такой простой вещи, как белая простыня, в доме не оказалось. Мама сменила всё однотонное постельное бельё на цветное. Согласитесь, привидение в полоску или в цветочек будет выглядеть неубедительно. Мой план был на грани провала. Оставалась одна надежда: мамина коллекция, как ее называл папа. У мамы необычное хобби — покупать ткани. Не то чтобы она была заядлой портнихой, но время от времени на неё находит вдохновение. Тогда она достаёт какой-нибудь отрез из своих запасов и с энтузиазмом принимается за работу.

В это время наш дом приобретает черты жилого помещения, а не квартиры с рекламного проспекта, где нет ни одного лишнего предмета и всё расставлено строго по местам. Пока мама шьёт, по всей гостиной разбросаны нитки, выкройки и обрезки ткани. Мама кроит, наживляет, строчит на машинке, распарывает, снова строчит, и в результате оказывается, что получилось совсем не то, что она изначально рисовала в своём воображении. Какое-то время мамино изделие хранится на антресолях, а потом вещь отдают в надежде, что найдётся тот, кто станет её носить.

Папу мамино хобби устраивает, потому что появляется возможность отдохнуть от идеального порядка. Пока мама занята шитьём, она снисходительно смотрит на то, что он не повесил брюки в шкаф или бросил носки посреди комнаты. В общем, тканей у мамы немало. Она рассчитывает, что когда-нибудь на пенсии вплотную займётся рукоделием, а пока что чемодан с отрезами мирно почивает на антресолях.

Достать чемодан было не так-то просто. Стягивая его вниз, я чуть не свалился со стремянки и чудом не разбил плафон.

После всех мытарств оказалось, что мучился я напрасно. При всём обилии расцветок белой ткани не было. Надежда найти что-нибудь подходящее угасала с каждым вынутым из чемодана отрезом. Было жаль денег, потраченных на шар. Уж лучше бы я купил пиратский бриг. Надпись «Поздравляю» приобретала издевательский оттенок. И вот, когда я был на грани отчаяния, мне улыбнулось счастье. На дне лежал изумительный кусок лёгкой, белой ткани. Материал был воздушным, но не прозрачным, как раз то, что нужно.

Я накинул отрез на шар и чуть не заплясал от радости. Привидение получалось — загляденье. Ещё бы пририсовать ему глаза и рот, но для этого пришлось бы пожертвовать тканью. В том, что фломастер не отстирывается, я убеждался не раз. Здравый смысл во мне боролся с искушением сделать настоящее привидение. В пользу последнего было много доводов. Мама могла забыть про этот материал. Недаром он лежал на самом дне. К тому же до пенсии ей было далеко, а мне ткань позарез требовалась сейчас. Наконец стремление к совершенству победило.

Подавив муки совести, я нарисовал на ткани чёрные глазницы и ухмыляющийся рот. Привидение вышло хоть в кино снимай. Как говорится, слабонервных просим удалиться. Но тут возникла ещё одна загвоздка: ткань всё время норовила соскользнуть с шара. Как я ни пытался её приладить, она съезжала и падала на пол. Я представил, как в самый неподходящий момент, покрывало слетит и вместо жуткого привидения появится надпись: «Поздравляю». Это уже будет не пятница, тринадцатое, а какое-то первое апреля. К счастью,

соображалка у меня работает. Скоро я нашёл выход из положения.

У папы в ящике с инструментами имелся универсальный клей. Он клеит всё, что угодно, так что ткань схватилась намертво. Правда, она случайно приклеилась не только к шару, но и к моим штанам. Сначала я попытался её отодрать, но потом понял, что лучше вырезать кусок, тем более, что привидению это совсем не повредило, а джинсы с белой нашлёпкой я благоразумно спрятал в шкафу за обувь.

Далее следовало подумать о звуковых эффектах. И тут я проявил недюжинный талант и изобретательность. В Интернете я нашёл сайт с многообещающим названием «Звукиприроды слушать онлайн, скачать бесплатно». По большей части там предлагалось пение птиц и шум падающей воды, но, кто ищет, тот всегда найдёт. Я закачал себе на телефон отличный образчик волчьего зова. Теперь если мне кто-то звонил, мобильник отзывался не какой-нибудь попсовой мелодией, а душераздирающим воем.

Всё было готово к спектаклю, где единственная зрительница должна была сыграть главную роль.

Ничего не подозревающая Танька вернулась с курсов и тотчас начала мною помыкать. Я проявлял чудеса стойкости: вымыл за собой посуду, полчаса читал книжку. Даже когда она трепалась с бойфрендом, я сидел паинькой, хотя мог бы добавить экшена в их разговор. Своим примерным поведением я чуть было всё не испортил, потому что Танька почуяла подвох.

— Что это ты сегодня такой тихий? — с подозрением спросила она.

Я запаниковал, что прокололся, но спасительная фраза сама собой слетела у меня с языка:

— Фильм про Фредди Крюгера дашь посмотреть?

И тут я лишний раз убедился в жестокосердии сестры. Тонем, не терпящим возражений, она заявила:

— Никаких Крюгеров. Нечего забивать голову всякой чепухой.

— Но я ведь себя хорошо вёл, — взмолился я.

— Это должно быть нормой, а не исключением, — назидательно сказала Танька.

Чаша моего ангельского терпения переполнилась. Я решил раз и навсегда проучить сестру.

Пока Танька принимала душ, я принёс из спальни родителей завернутый в белый саван шар и привязал его к перилам балкона.

Получилось даже лучше, чем я ожидал.

Выйдя из ванной, сестра уселась в кресло и принялась красить ногти.

— Тань, давай включим телевизор, хоть что-нибудь посмотрим, — заканючил я.

— Отстань. Чисть зубы и чтобы через пятнадцать минут был в постели.

— Ну, пожалуйста, — продолжал тянуть я.

— Ты ещё здесь? — рассердилась Танька и бросила суровый взгляд в мою сторону.

Позиция у меня была выбрана с умом. Как раз за мной находилась балконная дверь.

Лицо Таньки вдруг вытянулось. Ещё бы! Тут у любого возникнет синдром лошадиной морды. Над балконом витало привидение. Оно слегка колыхалось на ветру, и чёрные глазницы хищно смотрели прямо в гостиную.

— Ты это видишь? — шёпотом спросила Танька.

Сначала я хотел заорать от ужаса, чтобы подлить масла в огонь, но потом мне в голову пришла идея получше.

— Что? — удивлённо спросил я.

— Привидение, — прошептала сестра.

— Смеёшься? — обиду я разыграл вполне натурально.

— Честно. Сам посмотри.

Я обернулся к балкону, но ни один мускул не дрогнул на моём лице. Я сделал вид, что в упор не вижу своего шедевра.

— И где твоё привидение? — насмешливо спросил я.

— Неужели ты ничего не видишь? — В голосе сестры звучало возмущение, смешанное со страхом.

Всё шло, как по нотам. Я пожал плечами.

— Это просто свет падает на ветки дерева, и от него тень движется.

— Не тень. Оно белое и летает.

Танька смотрела на призрака, почти не мигая. В её глазах застыл страх.

— А ещё говоришь, что я много ужастиков смотрю. Ничего там нет. Хочешь, пойду и тебе докажу?

Я храбро двинулся к балконной двери, но сестра меня остановила:

— Нет, Миш, не ходи! А вдруг оно сюда залетит?

— Кто залетит?

И тут началась вторая серия. Пока сестра пялилась на привидение, я незаметно завладел её мобильником и нажал на кнопку дозвона. Мой телефончик тотчас откликнулся из нашей комнаты протяжным воем.

Танька побелела как полотно.

— Ты слышишь? Там кто-то воет, — с дрожью в голосе произнесла она.

— Где?

— В комнате. Ты что, глухой?!

Я нарочито прислушался и, как можно беззаботнее, сказал:

— Наверное, собака на улице.

— Нет, это волк. И не на улице, а в нашей комнате.

Сеструха была на грани истерики. Я ликовал. То-то, пускай почувствует, как издеваться над другими. Но вслух я ничем не выказал своего злорадства.

— Откуда в нашей комнате волку взяться? Скажи ещё, там оборотень, — пошутил я.

Танька оказалась невосприимчива к юмору. Она тряслась, как три поросёнка перед волком. Я подошёл к ней и покровительственно обнял за плечи. Танька прижалась ко мне, как будто я был старшим братом. В этот момент мне захотелось по-настоящему совершить подвиг и её защитить.

— Не бойся. Хочешь, вместе сходим и проверим?

Вой прекратился.

Она помотала головой и ещё сильнее прильнула ко мне. Я продолжал:

— По-моему, ты переутомилась. Я ведь не слышу и не вижу ничего странного. — Я выразительно посмотрел на привидение, которое гордо реяло над балконом, и старательно изобразил слепого. — Просто у тебя воображение разыгралось. Логично?

Танька не слишком уверенно кивнула, переводя взгляд с меня на балкон и обратно. Я погладил её по голове и с видом знатока произнёс:

— Привидения питаются страхами. Как только ты перестанешь бояться, всё исчезнет, поняла? Прими что-нибудь от нервов и ложись спать.

Сестра снова кивнула. В этот момент в ней было что-то человеческое.

Аптечка у нас хранится на кухне. Танька наотрез отказалась идти туда одна. Она вцепилась в меня, как утопающий в последнюю шлюпку на «Титанике». Поскольку нервными расстройствами у нас в семье никто не страдал, успокоительного в аптечке не оказалось. Зато нашлись просроченные таблетки снотворного, которые забыла бабушка.

Пока сестра глотала снотворное, я размышлял, как половчее убрать с балкона привидение. Танька намертво прилипла ко мне, как будто меня намазали папиным клеем. Случай представился, когда она пошла в туалет. Я пообещал посторожить возле двери, но вероломно покинул пост. Рванув на балкон, я отвязал шар и затащил в дом. Бежать в родительскую спальню было некогда, поэтому я поспешно затолкал отслужившее службу привидение в шкаф-купе в прихожей и вернулся к двери туалета как раз в тот момент, когда оттуда выходила сестра.

Таньку будто подменили. Она не командовала и не повышала на меня голос. Несмотря на выпитое снотворное, спать ей не хотелось: то ли таблетки были слишком старыми, то ли потрясение чересчур сильным. Прежде она живо отправила бы меня в кровать, а тут разрешила включить компьютер. Я полночи играл в своё удовольствие. Заснули мы поздно и встали незадолго до приезда родителей.

— Как вы тут? Миша хорошо себя вёл? — спросила мама.

— Он просто чудо! Такой внимательный и чуткий, — сказала Танька.

— Вот как? — удивилась мама. — А я боялась, что вы тут подерётесь.

— Я же говорил, что время от времени их надо оставлять одних, — вставил папа.

Мама посмотрела на сестру и намётанным глазом определила:

— Что-то ты бледненькая. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да. Просто долго не могла заснуть. Лезла в голову всякая ерунда, — нервно хихикнула Танька. — Наверное, переутомилась. Но Миша обо мне так заботился.

— Смотрите, чтобы я тоже не переутомился, — вылез я.

— Тебе это не грозит, — покачала головой мама, но за меня тотчас вступилась сестра:

— Мам, не ругай его. Ты даже не представляешь, какой у меня замечательный брат.

Я благоденствовал. Никто меня не воспитывал и не заставлял учить стихи. Я не преминул воспользоваться завоёванной свободой.

— Ма, я пойду, на роликах покатаюсь?

— Иди, только недолго. Скоро обедать будем, — напомнила мама.

И тут случилось непоправимое. Я сам разрушил своё счастье. Победа так окрылила меня, что я совсем забыл про ненужный теперь шар и полез за коньками. Стоило мне открыть дверцу шкафа-купе, как оттуда медленно выплыло привидение и повисло под потолком. При дневном свете оно выглядело совсем не так натурально, как ночью.

— Вот это призрак! — присвистнул папа.

Мама всплеснула руками:

— Это ведь натуральный крепдешин! Ты знаешь, сколько он стоит, балбес?

Только Танька ничего не сказала. Она молча взирала на меня, как Каа на несчастных бандерлогов. Я понял, что роликов мне не видать. Будет много крови. И не ошибся.

— Мам, я так понимаю, гулянье отменяется? — спросила Танька и достала с полки томик Некрасова. — Выучишь наизусть от сих до сих.

Заступиться за меня было некому. Я зубрил поэму и мрачно думал, что если на Руси кому и живётся хорошо, то уж точно не младшему брату. Тем более, когда сестра такая вредина.

Слёт

Кикиморы с гнилых болот

Решили раз устроить слёт.

А после праздничный обед:

Из мухоморов винегрет,

Мышиные хвосты в желе,

Из волчьей ягоды суфле,

Эклеры с жабами внутри

И с белой поганки фри.

Горыныч, местный наш дракон,
Вмиг занял стол на шесть персон.
На мётлах из глуши лесной
Пожаловал колдуний рой.
И по-простому, без затей,
Пришёл пешком на слёт Кощей.
Колдуньи с ведьмами кричатъ:
«На слёт обязан всяк летать!»
Им в тон Горыныч и Яги:
«Прячь от нахала пироги!
Кощей нарушил этикет —
Не подавать ему обед!»
Так был он выставлен взашей.
Но ходят слухи, что Кощей
Теперь ответный пир даёт.
Всех приглашает он на сход.
И если хочешь, то пойдём
За тридевять земель пешком.

Самые смешные истории о проделках современных мальчишек и девчонок в школе и дома вы найдёте в весёлой серии

«Школьные прикольные истории».

Эти книги написали для вас замечательные детские авторы: Тамара Крюкова, Марина Дружинина, Валентин Постников, Дмитрий Суслин, Анна Кичайкина, Александр Хорт и др.
СЕРИЯ «ТУЗИК, МУРЗИК И ДРУГИЕ...»

Эти книги «полезно почитать и детям, и взрослым. Душа вспоминает, что в мире есть не только работа, деньги, бытовые проблемы, но и доброта, вечность, дружба, любовь».

(«Литературная газета»)

Серия

«Тузик, Мурзик и другие...» будет интересна всем, кто не безразличен к судьбе тех, «кого мы приручили», кто не зачерствел душой, кто понимает, что все живое на нашей планете едино.

В серию вошли лучшие произведения современной российской литературы замечательных авторов, пишущих для детей, — Валерия Воскобойникова, Леонида Сергеева, Анны Никольской, Михаила Андреева, Олега Трушина, Натальи Крудовой и других.

Книги пенталогии Тамары Крюковой, подобно «Хроникам Нарнии» К. Льюиса, объединены волшебным миром, где живут загадочные феи и коварная ведунья из Лисьей норы, гномы и великаны, кентавры и единороги.

Как написала в своём отзыве одна из читательниц,

«эти книги просто необыкновенные, и не хватит всех слов на свете, чтобы передать, насколько они интересны». Книги серии:

ГОРДЯЧКА

•

КУБОК ЧАРОДЕЯ

•

ЛУННЫЙ РЫЦАРЬ

•

ВОЛШЕБНИЦА С ОСТРОВА ГРОЗ

ЧЁРНЫЙ АЛЬБАТРОС